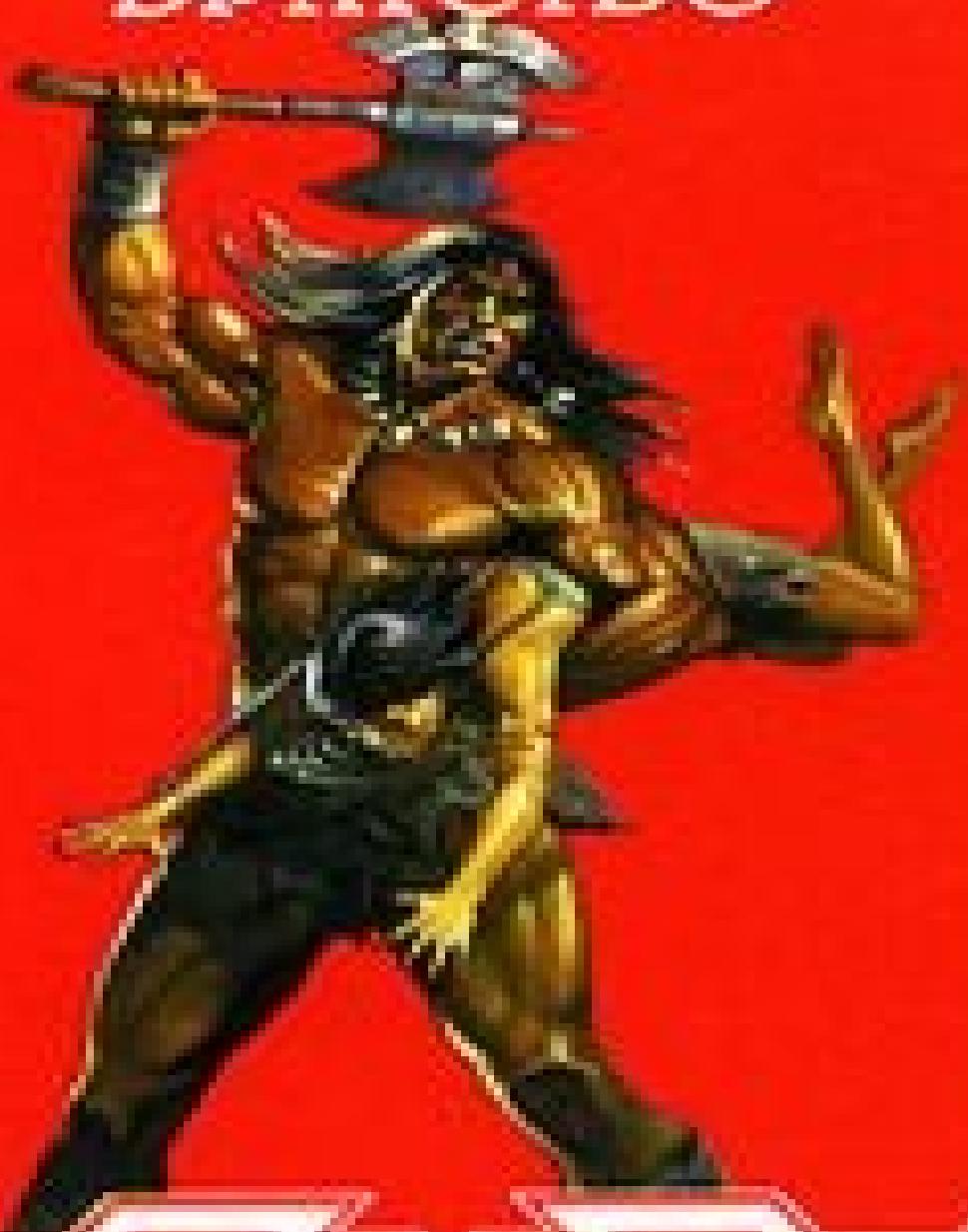

Конан
и Красное
Братство

Annotation

К юго-западу от Замбулы, который принято считать выдумкой измученных пустыней путешественников. Ибо город возникает из песка столь неожиданно, что похож на мираж. Вместо собак по улицам этого города бродят кошки, а башни его столь высоки, что, говорят, в хорошую погоду можно увидеть берег Западного моря... Волей случая, именно туда попадает лихой казак Конан...

- [Терри Донован](#)

- - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Терри Донован

Город кошек

(Конан -)

(«Северо-Запад Пресс», 2006, том 115 «Конан и Красное братство»)

1

К юго-западу от Замбулы, там, где Стикс изгибается, словно хвост Ханумана, стоит город, о котором не знает большинство географов и который принято считать выдумкой измученных пустыней путешественников. Ибо город возникает из песка столь неожиданно, что похож на мираж, и глубина прохладной тени на его улицах заставляет считать ее нереальной. Вместо собак по улицам этого города бродят кошки, а башни его столь высоки, что, говорят, в хорошую погоду можно увидеть берег Западного моря.

И к этому городу, называя его Хатор, идут тайные караваны из Кешана и Пунта. Жители города заключили с торговцами договор, по которому никому другому нельзя называть ни имени города, ни его местоположения. И караванщики строго блюдут договор. Но невозможно вечно скрывать истину, рано или поздно она тем или иным путем просачивается туда, где ей не положено быть. Так случилось и со скрытым в пустыне городом Хатор.

В месяц раджаб, в день, который шемиты называют субботой и считают днем отдыха, когда нельзя заниматься никакой работой, стояла невыносимая жара. Духота стягивала горло, словно безжалостный наемный убийца удавкой. Словно весь мир вокруг был заточен в каменный гроб с синей крышкой неба, на котором не было ни облачка.

В полдень глашатаи посредством медных труб возвестили о том, что ворота города открываются. А как только трубы перестали гудеть, заскрипели тяжелые ворота и послышались вопли погонщиков верблюдов – в город вошел давно ожидаемый караван из Кешлы.

Верблюды шли, будто улыбаясь, с хитрым видом посматривая по сторонам. Кошки шипели на них и выгибали спины, но пустынныe животные не обращали на кошек никакого внимания, погруженные в какие-то свои, только им известные думы. Тюки и сундуки на их спинах плавно покачивались в такт движениям. Когда караван полностью прошел в ворота, послышались пронзительно резкие крики погонщиков верблюдов, и животные стали садиться на площади перед воротами. Многочисленные зеваки стояли вокруг, занимаясь тем, чем во всех городах, во все времена, во всех странах занимаются зеваки – глазели.

И на этот раз они действительно увидели нечто, на что можно было поглядеть. Человека в белой рубахе и красных шароварах, подпоясанных

широким кушаком. Так обычно одевались казаки, но вживую никто из жителей Хатора ни одного из них прежде не видел. На боку казака висела огромная кривая сабля, а грива черных волос была заплетена в толстую косу, скрепленную красной тесемкой. Рубаха распахнута на груди, и даже с большого расстояния было заметно, как сильно она вздымается. Купцы подобрали его в пустыне возле павшей лошади, из которой он пил кровь, ибо другого средства спастись от жажды у него не было.

Человек осматривался, и многие зеваки, столкнувшись с ним взглядом, вынуждены были потупить глаза. Ибо цепкий взгляд холодных голубых глаз невозможного было вынести.

Он оглядывал все, что попадало в поле его зрения – дома, лавки, паланкины, одежду, особенно украшения на женщинах, отчего многие красотки смущались, но его это мало волновало. Ибо сейчас он больше интересовался именно украшениями, а не теми, на которых это было надето. Разве что вскользь, просто потому что все-таки был мужчиной, а не каменным истуканом. Впрочем украшения на мужчинах вызывали у него не меньшее любопытство, и в глазах появлялся нехороший хищный блеск.

За долгие годы странствий он привык видеть все мелочи, особенно, когда дело касалось незнакомого места. Именно они часто играют решающую роль.

Казак соскочил с верблюда и подошел к вождю каравана, который опустился на землю последним. Казак поклонился ему и сказал:

– Джибрил, моя жизнь – твоя.

Эта обычная формула благодарности среди людей пустыни, звучала нелепо в устах черноволосого гиганта, по сравнению с которым Джибрил выглядел ягненком рядом с быком.

– Сядь рядом, Конан. Прежде, чем ты уйдешь, я хочу тебе кое-что сказать, – произнес он и опустился на корточки.

Конан присел в двух шагах от Джибрила и принял смотреть в том же направлении, что и он. Перед ними были три башни разной высоты, определяющие вертикальный силуэт города. Крыши башен были пусты, а на остальных во множестве виднелись опахала, парусиновые навесы и шесты с развевающимися бумажными лентами, шелест которых должен был отгонять от домов злых духов, носящихся над пустыней.

Джибрил сказал:

– Обычно те, кого мы спасаем, становятся нашими рабами, что естественно, поскольку сами они потеряли свою жизнь, а мы нашли ее. Но ты, Конан, другое дело. Ты не способен быть рабом, ты свободен внутри

себя, свободен, даже если тебя заковать в цепи. Ты говорил о том, что иногда становился рабом, но на самом деле этого не было. Когда тебя приковывали цепями в рудниках или на галерах, они приковывали лишь твоё тело, они лишали тебя подвижности, но не свободы. Поверь мне, Конан, я перевидал на своем веку много людей, и многие из них были рабами, многие свободными, но человека твоего духа я никогда прежде не встречал. Ты пройдешь через любые препятствия, даже магические оковы не остановят тебя, только лишь частично и на время. Я сказал, теперь уходи.

Не отвечая, ибо знал, что Джибрил не хочет ничего услышать, Конан поднялся и увидел, что все зеваки, прежде глазевшие на него, смотрят теперь в другую сторону. Он поступил, как все. И увидел девушку. Она шла в окружении полуобнаженных мужчин и женщин, и толпы кошек, которая увеличивалась с каждым ее шагом, ибо все кошки с площади вливались в эту толпу. Они громко мякали и заглядывали девушке в лицо, словно приветствуя свою богиню.

Она была прекрасна. Длинные черные волосы, мягкие как шелк, струились по ее белым одеждам, обрамляя лицо без малейших следов загара с изящно изогнутыми бровями, чувственными губами и глазами, в которых светился неутолимый огонь страсти. «Лилува, Лилува», — послышался восхищенный шепот вокруг.

— Ты прибыл с караваном? — спросила она казака.

— Да, — ответил он. — Купцы подобрали меня посреди пустыни, когда я уже готовился встретиться со своим прародителем Кромом.

— Как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии.

— На тебе странные для киммерийца одежды. Насколько мне известно, так одеваются казаки, но они так же далеко отсюда, как и твоя Киммерия. Как ты оказался в пустыне?

Конан помрачнел.

— Я сбежал с галеры. Прихватив коня. За мной охотились, и мне пришлось уходить вглубь пустыни. И, пожалуй, я забрался слишком далеко.

— Так ты раб? — презрительно бросила Лилува.

— Я — свободный человек, — сказал Конан, и в голосе прозвучала такая уверенность, что усомниться в его словах было невозможно. — Меня захватили во сне, когда я выпил лишнего, — добавил Конан. — Эти проклятые капитаны галер готовы на любую подлость. Я прибыл в Луксур для торговых переговоров, но не успел ни с кем переговорить, не успел даже выйти из порта.

Лилува скользила взглядом по телу Конана с откровенностью возбужденной львицы.

– Ты прекрасен. Наверное, ты еще прекраснее без этой варварской одежды. Хотела бы я увидеть тебя... И если бы ты был рабом, я бы купила тебя. Но даже если ты раб, сейчас у тебя нет хозяина, и я не могу тебя купить... Только если ты сам согласишься стать моим рабом. Что ты об этом думаешь, казак?

Конан помрачнел. Эта женщина нравилась ему, но он вовсе не хотел становиться ее рабом. Он привык быть господином над женщинами и менять привычки не собирался. От женщины буквально исходили ядовитые миазмы власти. Она пронзала киммерийца таким жалящим взглядом, что у более слабодушного человека подкосились бы коленки, и он бы смог вымоловить только то, что подсказывала женщина, а именно согласиться стать ее рабом.

– Нет, красавица, – сказал Конан, покачав головой. – Я хочу остаться свободным человеком.

– Ты заигрываешь со мной, варвар? Хочешь, чтобы я попросила тебя дважды? – спросила она надменным тоном.

– Принцесса... – сказал он.

– Я не принцесса, я – защитница, – заявила она и повернулась к Конану спиной. Все ее рабы и кошки тоже отвернулись от киммерийца. Он видел затылки, плечи, уши, хвосты – и во всем было презрение.

– Ты изменишь свое мнение, – сказала Лилува. – И очень скоро.

2

От площади перед городскими воротами отходило четыре улочки, но одна особенно привлекла Конана. И не только пестрой толпой, но еще и удивительным запахом, в котором смешались все мыслимые, известные и неизвестные ароматы. Конан направился по ней.

Впереди Конана шли три женщины с пустыми корзинами. Дородные женщины с румяными улыбчивыми лицами и толстыми руками, болтавшие между собой о мясе, рыбе, фруктах и овощах. Они часто оборачивались на казака, переглядывались между собой, и тогда их речи становились тихими и неслышными, а полные зады начинали двигаться не только по необходимости. Но это длилось лишь несколько мгновений, они быстро забывали об уловках женственности, и снова принимались за кухонные разговоры.

У входа на базар Конана за рукав поймал продавец щербета с лицом, не располагающим ни к чему, тем более, к покупке у него сладкого напитка. У продавца был помятый медный кувшин, висящий у живота на лямках через плечо, и глиняные кружки на веревочках, к которым были привязаны маленькие серебряные колокольчики. Все, как обычно. Однако у него отсутствовал кончик носа, на спине вздымался горб, едва ли не как у верблюда, а на руке, которой он протягивал Конану кружку с напитком, имелся лишний большой палец.

Конан помотал головой и шагнул в сторону. Урод еще больше сгорбился и отвернулся.

Другой продавец, уже вполне приятный на вид молодой человек, с лицом женственным, обезображенном только большой родинкой под левым глазом, протянул казаку поднос с жареной саранчой на шампурах.

– Саранча! – несмело сказал он, слегка побаиваясь огромного чужака с саблей. – Вкусно! – И в подтверждение собственных слов съел одно насекомое.

– Да так ты сам съешь свой товар быстрее, чем продаешь его! – с усмешкой сказал Конан, да так громко, что парень едва не поперхнулся.

Торговые ряды впечатляли. Фрукты, овощи, мясо, ковры, специи, керамика, бронза и медь, оружие и ювелирные изделия. Богатый город! И богатые люди, ибо Конан примечал, что за многими следуют слуги, сгибаясь под тяжестью покупок.

Но больше всего Конана заинтересовала одна лавка, за которой стоял

расшитый цветами и птицами шатер, с окнами из полупрозрачного шелка, за которым танцевали тени соблазнительных фигур. Они покачивали бедрами, вращали животами, изгибали плечи, становясь в профиль, так что видны были очертания прекрасных грудей. Руки двигались словно змеи. От шатра исходил запах сандала, мускуса и амбры.

Несколько праздных зевак стояли с открытыми ртами и глазели, едва не пуская слюни. За исключением одного маленького сухого старика, опирающегося на посох, согбенного и дрожащего, это были юнцы, ланиты которых пылали даже сквозь обычную для жителей Стигии бронзовость кожи.

Перед шатром стоял крытый парусиновым навесом прилавок, на нем была воздвигнута гора из фруктов, слева от нее сидел большой зеленый попугай, флегматично глядевший на людскую суetu, а справа обедал толстый, с заплывшими жиром черными глазками, чернобородый купец. И очень увлеченно. Так увлеченно может обедать только человек, который ценит все тонкости еды, знает ее открытые и скрытые стороны, способен насладиться каждой рисинкой в казане плова. А плов у купца был весьма знатен. Причем, не в одном жалком казане, а в двух. Пользуясь левой и правой горстями, чернобородый господин черпал то из одного, то из другого. Маслянистый взгляд метался, а в складках лица отражалось вожделение.

Даже издалека было заметно, что в драгоценных оправах из длинного золотистого риса имеются бриллианты мяса, фасоли, моркови и разваренного чеснока, который он выдавливал в рот целыми головками, — это в одном казане, а другом — плов украшали не менее десяти сортов разных фруктов.

Заметив приближающегося к нему необыкновенного пришельца в белой рубахе и красных шароварах, купец в первый момент от неожиданности даже забыл о том, что ест. Он застыл с раскрытым ртом, И оттуда медленно и вальяжно, как мелкая рыбка изо рта загарпуненной акулы вывалился облепленный рисинками кусочек жирного мяса.

Потом купец спохватился и закрыл рот. Зато пошире раскрыл глаза, вперившись в меч Конана. Купец оценил оружие сразу же, и алчность отразилась у него на лице, затмив вожделение, складки сложились иным образом. Кривая улыбка, еще более кривая, чем меч, ничуть не могла скрыть этой алчности, скорее даже только ярче обозначила ее.

— Неплохой меч, — сквозь зубы процидил купец, потянувшись жирными пальцами к эфесу. — Пожалуй, пару серебряных монет я за него дам.

— Меч только вместе со мной, — заявил Конан. — Мы готовы оказать любую, ну, или почти любую услугу за достойную плату, но не расстаться.

Чернобородый вытер правую руку о ярко расшитый халат и, засунув руку за пазуху, вытащил сосуд для игры в кости и вытряхнул из него четыре кубика. Несмотря на толщину, пальцы его оказались весьма проворными — они со щелканьем быстро покрутили кубики и бросили пришельцу.

Конан поймал кубики.

— Ну что, — сказал купец. — А сыграть? Твой меч против половины моего имущества, включая рабынь? Рабыни цвета слоновой кости и рабыни цвета кофе, рабыни, умеющие извиваться, как змеи, и рабыни, страстные, как кошки? А, чужеземец? Игра ведь благородное дело и любима богами. Даже Гор и Сет играют, хоть и враги.

— Я не поклоняюсь ни тому, ни другому, купец. Твоего имущества мне не нужно, но речь о рабынях заинтересовала меня. Мы сыграем. Только я кину первым.

И Конан, не мешкая, бросил кости на прилавок. Шестерка, пятерка, четверка и тройка. Купец даже не успел ничего возразить. Пальцы его бесцельно крутили сосуд, он открывал рот, как рыба.

— Венус, — сказал Конан.

— Но... — удалось вымолвить купцу. — Мы ведь не успели ни о чем договориться. Мы даже не договорились о правилах игры...

Конан нахмурился и возложил одну руку на эфес меча, а другой молниеносным движением сгреб с прилавка кости.

— Я играю только так и никак иначе. А ты хотел играть. Так что, все, игра сыграна. Так сколько, ты говорил, у тебя рабынь?

— Но, по крайней мере, ты ведь должен был метнуть из сосуда, из руки не считается...

— Ты считаешь меня мошенником? — зловещим, не предвещавшим собеседнику ничего хорошего тоном осведомился Конан.

— Нет, но... — промолвил купец, и вдруг лицо его озарилось подобием счастья. Он торжествующе осклабился. — Пожалуйте сюда, господа стражники!

Конан обернулся. К ним приближались два рослых негра, единственную одежду которых составляли набедренные повязки. Негры были вооружены тяжелыми железными палками с утолщениями в виде кулака на конце. Люди уступали им дорогу, почтительно кланяясь.

Чернобородый купец даже привстал, но стражники, видя, что перед ними чужеземец, к тому же, вооруженный, остановились в трех шагах от прилавка.

– Вот этот господин, – сказал купец, указывая на Конана, – нарушил правила игры в зернь. У него выпал венус, но он метнул кости не из со суда, а из руки!

– У нас всегда метают кости из руки. А у вас такой мирный город... Вы же не хотите, чтобы он перестал таким быть? – сказал Конан прежним тоном, возложив руку на меч.

Негры наклонили свои железные палки, не иначе как в знак угрозы. Но у киммерийца тоже было, чем ответить. И негры, судя по их напряженным лицам, это понимали.

– Вы оба правы, – сказал один из них после весьма продолжительного молчания. – Каждый действовал в соответствии со своими правилами. Чужеземец действительно выиграл, но и ты, купец, не проиграл.

Чернобородый схватился за бороду и закатил глаза.

– О, как же я счастлив, что такой великий мудрец разрешил столь трудную задачу! – воскликнул он.

Конану показалось, что в его словах сквозит ирония.

– Разве можно, чтобы один игрок выиграл, а другой не проиграл? – спросил Конан.

– У нас – можно, – ответил стражник и, видя, что Конан помрачнел еще больше, добавил: – Но ты имеешь право на небольшую компенсацию за моральный ущерб. Мы уважительно и с пониманием относимся к чужеземцам и готовы пойти им навстречу, только чтобы не ранить их чувства!.. – Суровый взгляд стражника обратился теперь на купца.

Чернобородый шумно вздохнул и полез в обширный кошель, висевший у него на поясе. Довольно долго рылся в нем, прежде чем извлечь на свет три тусклых монетки. Потом подумал, убрал монетки обратно и достал серебряный шекель.

– Вот, чужеземец, эта монетка должна быть тебе более знакома, ты знаешь ее цену, а я не хочу, чтобы ты подумал, будто я тебя обманываю. Этого хватит, чтобы оплатить приличную гостиницу на неделю. Мы люди честные, и если ты надумаешь снова играть, приходи. Но, конечно, играть будем по нашим правилам.

Уходя и задумчиво поглаживая широкий пояс в том месте, где были спрятаны его личные игральные кости, всегда выпадавшие на венус, Конан не оборачивался и не мог увидеть, как чернобородый купец склонился за прилавок и в тени от фруктовой горы, с ворчливым полуслепотом принял сам с собою играть в кости. И всегда получал именно тот результат, который хотел, ибо и кости, и сосуд обладали особым секретом.

3

В одном дне пути от Хатора скарабеи и ящерицы со страхом приглядывались к лагерю незнакомцев, подобных которым прежде в пустыне не было. Они не были ни обычными караванщиками, ни стигийскими воинами. Все были в шароварах – всех цветов радуги, которую, впрочем ни один из ныне живущих скарабеев не видел.

Рубахи тоже были жутко пестрые, что никак не вязалось с ровным по цвету пустынным пейзажем. Головы были с косами, чубами или совсем лысые, натертые для защиты от солнца особы маслом. Ко всему прочему, пришельцы нарушали покой песков громкими голосами и частым хохотом. Они красовались друг перед другом, всячески упражняясь в остроумии, как они его понимали.

И больше всего дружеских колкостей, подначек было направлено на самого уважаемого среди них человека, на атамана. Но уж таковы были эти люди, пришедшие с берегов далекой реки Запорожка, живущие войной и вольностями. Беспечные, как птицы, и яростные, как вепри.

У атамана были черные шаровары, красная рубаха и красные сафьяновые сапоги, он был подпоясан белым кушаком, а на боку у него висела чудовищных размеров сабля. Эта сабля вообще-то предназначалась для расправы с преступниками, положившими голову на плаху, и была слишком тяжелой для обычного человека. Но атаман был человеком необычным. Несмотря на видимую тучность, он обладал великолепными, мощными и подвижными мышцами, иправлялся с тяжелым ятаганом так, словно тот был сделан из дерева.

Атаман был лыс, имел красный цвет лица, а под носом у него висели такие замечательные черные усы, что о них говорили, будто они живут собственной жизнью, и, когда хозяин спит, гуляют вчерную, напиваясь пивом и щекоча девок.

– Оруз, съешь арбуз! – орал какой-нибудь казак, подбоченясь, и первым смеялся собственной шутке.

Но тут же, перебивая его, орал другой:

– Да он уже съел! Гляди-ка, брат, вот же ростки из ноздрей торчат!

– А и вправду! Вот чудно! И в голове у него одна мякоть! – подхватывал первый, и смеялись теперь оба вместе.

Оруз грозил нагайкой, плевался, и, пряча улыбку, восклицал:

– Ну, погодите у меня, охальники, доберусь до вас, вот уж мало вам не

покажется!

Казаки только пуще смеялись. Ну и отходит иной раз Оруз нагайкой, так велика ли беда? Нагайка казаку, что массаж какому-нибудь изнеженному офорцу, только кости размять. А то застаивается кровь, деревенеют суставы, и дряблыми делаются мышцы.

Уже восемь дней стояли лагерем казаки, и это им порядком поднадоело. Одно развлечение – жуков да ящериц давить.

Пять дней назад из лагеря отправился лазутчик. Великий воин. Родившийся в Киммерии. Не казак по крови, но казак в душе. Оруз относился к нему, как к собственному сыну. Год назад он нашел его, умирающего, привязанного к мертвому дереву посреди пустыни. Киммериец более-менее успешно отбивался от голодных птиц, но голодные жуки уже потихонечку, маленьkim кусочками ели его. И Оруз знал, на что способны эти твари. Они съедают человека за неделю, но первые два дня человек жив. У него уже нет глаз, нет кожи, проклятые шуршащие твари бродят его голове, кишках и легких, а он все еще жив и способен понять, что полусъеден. Пока твари не добираются до его сердца, оно бьется и посыпает в мозг достаточно крови, чтобы хватило на самые страшные мысли, какие только возможны. Человек уже за пределами реальности, он в самых мрачных глубинах ада, куда даже сам Люцифер из брезгливости и отвращения не спускается.

Оруз стал спасителем киммерийцу. Прошло всего лишь несколько часов с тех пор, когда его оставили умирать мучительной смертью, и мелкие твари лишь слегка попортили его кожу. Спасенного звали Конан. Вскоре выяснилось, что он привык к жизни воина и отлично умеет держать меч.

Конан сам вызвался идти лазутчиком в город. Оруз не стал возражать. Положа руку на сердце, он мог без обиняков сказать, что Конан самый рассудительный среди окружавших его в этом походе казаков. Кому как не ему поручить столь важное и опасное дело?

Но он уже должен был вернуться. День туда, день обратно. А пару дней на месте должно было хватить за глаза. Город богат, по слухам, очень богат, но не велик. Всего-то и требовалось Конану, что разузнать, силен ли гарнизон, насколько хорошо обучены его воины и действительно ли город богат. Ну, и еще что приметить, если важное. Особенно насчет всяких заразных болезней, о которых большинство казаков понятия не имело, и любую болезнь почитало за разновидность насморка – поболит, само пройдет.

Юлма, молодой сильный казак, большой задира, недолюбливавший

Конана за то, что тот обыграл его в нескольких воинских состязания приблизился к Орузу с беспокойным лицом.

Другие казаки, смекнув, что предстоит важный разговор, разом утихли.

— Что-то долго нет твоего Конана. Если завтра утром он не появится, мы сами туда пойдем, — сказал Юлма. Потом воскликнул: — Зачем нам лазутчик, парни? Мы что, боимся каких-то неженок, засевших в городе?

— Не боимся! — возмущенно завопили вокруг.

— И все же, Юлма, будь бдительнее, — сказа Оруз. — Поверь мне, я много городов перевидал, много мужчин зарубил, много девочек сделал женщинами, горы золота и изумрудов потратил, озера вина и пива выпил, но много и товарищей потерял. Город городу рознь. Осторожность не помешает.

— Ха! — возмутился Юлма. — Да разве это город? Ты же помнишь, что рассказывал купец Раджниш из Гулистана. Одна маленькая крепость в середине, да и то бабская обитель.

Казаки громко заржали. Юлма стоял, уперев руки в бока, широко расставив ноги, и ржала громче всех.

Оруз вдруг помрачнел. Тяжелые думы были у него на сердце, тяжелые воспоминания придавили вольную душу словно камнем.

Перед его мысленным взором предстало лицо Шанкора. Бледное, худое, с черными пятнами. И бескровные губы его, прошептившие последнее прости. Он слишком поздно понял, что зря послушался отца. Не надо было идти в незнакомый город, не послав туда лазутчика. Не стоило сразу же там пьянствовать и портить девок. Потому что в городе, как чуть позже выяснилось, свирепствовала черная смерть. И поэтому никто не оказал жестоким казакам сопротивления, а не потому что в городе не было настоящих мужчин, способных держать оружие, как посчитал беспечный Шанкор.

Шанкор, сын мой единственный, прости и ты меня, что не уберег, не отговорил, не достаточно ясно изложил свои подозрения! Так в который уже раз говорил себе Оруз, погрузившись думами в прошлое.

Прости и за то, что позволил тебе умереть в мучениях, полностью пройти ад черной болезни! А не умертвил крепкой отцовской рукой! Ибо казаку пристало умирать от железа, а не от гнили, разъедающей тело!

— Что задумался, атаман? — прервал его мрачные мысли Юлма. — Думаешь, не предал ли нас Конан?

Оруз вскинулся и хлестнул нагайкой, метя злоязыку казаку в лицо. Юлма уклонился, ухмыляясь.

– Да ты что, Юл! – загомонили вокруг казаки. – Это ты брось! От жары язык заплетается?!

Оruz взялся за рукоять меча, помрачнев как зимнее небо Асгарда.

– Говори, а не болтай попусту языком! – загремел он.

Юлма перестал ухмыляться.

– Помнишь, атаман, деревеньку, где жили грязные обезьяны, пропахшие рыбой? – спроси Юлма.

– Еще бы! – завопил Оruz. – Вместо того чтобы приветить нас, они вышли против нас трезубцами! Нам пришлось поучить их уму-разуму. А зато мы славно размяли косточки! Поджарили их сучек вместе со щенятами! – Оruz стал еще краснее и затрясся всем телом в могучем смехе, мотая усами и хлопая себя по животу.

Он вспомнил женщин, вопящих в зажженных казаками домах, детей, которые путались под ногами и которых казаки с помощью пик возвращали в дома, пусть погреются под боком у мамки. Жалко их не было – они мало чем отличались от рыб, которых ловили в мутных водах Стикса, разве что у них было по две руки и ноги, да кричали они гораздо громче!

Смех атамана подхватили и другие казаки, некоторые стали изображать корчащихся в муках грязных рыбаков, приводя соратников в еще более веселое неистовство.

– Мы-то, да, – сказал Юлма, едва сдерживаясь, чтобы самому не расхохотаться. – А ты видел, Оruz, чтобы Конан убил хоть одну грязную обезьяну, хоть одного щенка бросил прожарить к его мамке?

Оruz смолк. Смолкли и другие. Южное солнце прилипло к горизонту. Быстро смеркалось.

– Хм, Юлма, а ведь ты, может, и прав, – сказал Оruz. – А что если Конан и этих городских слизней пожалеет? Слабодушный он, хоть и крепок телом. Нет в нем казачьей твердости.

4

Между днем и ночью в Стигии расстояние небольшое, и бродя вдоль внешних городских стен, удивляясь отсутствию трущоб и нищих, этих непременных спутников больших городов, Конан и не заметил, что спустилась ночь. И уставилась на киммерийца кошачьими глазами из теней и звездами с неба.

Не спрашивая дорогу, поскольку спрашивать уже было не у кого, ни одного прохожего Конан не встретил, он добрался до таверны, которую приметил еще днем. Тяжелая дверь была открыта, изнутри вырывались запахи съестного, приглушенные голоса и колеблющийся свет очага. Конан почувствовал вдруг, как зверски проголодался, да и промочить горло добрым вином не помешало бы.

Он остановился на пороге, осматриваясь в поисках удобного места, когда возле него буквально из ниоткуда возник потный толстяк, обнаженный по пояс.

– Чего изволите? – спросил он, улыбаясь, как лопнувшая тыква.

– Хороший ужин и ночлег, – ответил Конан, бросая толстяку полновесный серебряный шекель.

Рука с жирными пальцами оказалась куда ловчее в действии, чем на вид, и шекель исчез где-то в складках просторной одежды.

– У нас лучшая еда в городе, смею вас уверить, как хозяин этого угодного богам заведения, – заявил толстяк. – Конечно, не считая дворца защитницы.

– Верю, – сказал Конан. – Но не на слово. Поторопись, толстяк, а то я умираю от жажды.

Не обращая больше внимания на хозяина, киммериец уселся за свободный чистый стол, уставился на очаг, над которым готовился онагр приличных размеров.

С туши в огонь с шипением падал жир. Конан почувствовал в животе пустоту, которая истощно вопила, что ее немедленно надо чем-нибудь заполнить, иначе она проглотит самого Конана. Жажда на самом деле оказалась не единственной проблемой.

Конан огляделся. И заметил возле очага существо в лохмотьях, отдаленно напоминающее ребенка. Лицо у существа было красное, глаза маленькие, а нос – большой. Конан не стал особенно задумываться, мальчик это или девочка.

– Эй, ты! – просто обратился он к нему. Существо пошевелило плечами и указало пальцем на себя. Пожалуй, это был знак вопроса.

– Да, ты! – настойчиво сказал Конан. Ребенок нехотя отнялся от стены и вразвалочку направился к посетителю, усердно ковыряя в носу.

– Вынь палец из носа, когда с тобой говорит казак, – сурово произнес Конан, и ребенок послушно вытянул руки. Теперь они болтались как плети.

– Отрежь-ка мне, да принеси кусочек этого жирного осла, что жарится на вертеле.

– Это не осел, – сказал ребенок.

– А что же это по-твоему? – осведомился удивленный Конан.

– Мясо.

Конан ослабился.

– Ну тогда принеси мне этого мяса! – сказал он, начиная слегка злиться. Похоже, чертово дитя решило поиздеваться над заморским гостем.

Он с несколько запоздалым смущением обнаружил, что с силой сжал рукоять сабли. Только не против ребенка! Он положил руки на стол.

– Мясо еще не готово, – ровным тусклым голосом, будто страшно скучая, ответило дитя.

– Все равно. – Ответа Конан слушать не стал.

Чтобы вернуть себе ровное расположение духа и не яриться по пустякам, а это действительно были сущие пустяки, он принялся осматривать посетителей. В конце концов, именно за этим он и явился в Хатор.

Ребенок поплелся обратно, что-то бормоча, и вскоре вновь оказался перед столом киммерийца. В руке у него был кусок жареного мяса, еще красного, с которого сочился жир.

Кроме того, рядом с ребенком стоял хозяин с большой кружкой и пузатой глиняной бутылкой.

– Кумми глупа, – сказал хозяин. – Мясо ведь еще не готово. А ну брысь отсюда! Я потом тебя накажу!

– Не стоит. Это я попросил ее принести мне мяса, – заявил Конан. – Я люблю полусырое мясо.

– Как господин пожелает, – ответил хозяин, ставя кружку на стол и наливая темное, остро пахнущее вино.

– Но пусть потом принесет и готовое мясо, – добавил Конан. – Я зверски хочу есть.

Конан вырвал из рук девочки кусок дикой ослины, впился в него зубами, ухватился за кружку и сделал добрый глоток вина. Вкус оказался под стать цвету и запаху – и Конан предался чревоугодию.

Жар от очага, вино и мясо разморили его – привели в крайне благодушное настроение. Он смотрел на людей, сидящих за соседними столами, на суетящегося меж ними хозяина, на девочку, следившую за крутящимся над огнем онагром, и думал, что все они – славные люди, и, может быть, не стоит казакам их убивать, по крайней мере, не всех. Не следует поступать, как в той рыбачкой деревушке, из-за сожжения кот рой он едва не поссорился с соратниками. Конан был воином, но не палачом. А те рыбаки вовсе не были рыбами, как считали сумасшедшие казаки. Они были людьми, хоть и не такими, как обычные люди.

Занятый мыслями, Конан некоторое время ничего не видел, кроме кружки, а потом выяснилось, что хозяин таверны куда-то подевался. Конан тщетно несколько раз позвал его, заметив вдруг, что и девочка куда-то пропала.

– Еще вина? – спросил кто-то, от кого как-то странно пахло, и Конан кивнул, не сомневаясь.

Сделав первый глоток из новой бутылки, понял, что странного в запахе этого человека. Благовония Мисра. От него пахло дорогими мисрийскими благовониями, которые использовали Жрицы богини любви в славных храмах богини Бает.

Подозрения зародились в мозгу Конана, но улетучились так же быстро, как появились. Все вокруг стало зыбким, разговоры потонули в поднимающемся из нутра гуле.

– Хозяин! – заорал Конан, поднимаясь и протягивая к очагу кружку.

– Как господину угодно, я здесь, – сказал человек, от которого пахло мисрийскими благовониями.

– Ты – не он, – заявил Конан.

Человек заулыбался. И на лопнувшую тыкву он нисколько не был похож.

– Вино у нас слишком крепкое, – сказал он. – А я ничуть не изменился.

Конан попытался возразить, даже встал для этого, но очаг вдруг сделался невыносимо жгучим, а поверхность стола с костями онагра оказалась рядом с его щекой и крепко прижалась к ней.

– Я ничуть не изменился, – уверенно повторил голос внутри уха, и стол с Конаном дал сильный крен.

– Приближается буря! – завопил киммериец, и сознание его погрузилось в кромешную тьму.

Хиннар, раб-управляющий защитницы города Хатор, склонился к голове павшего в неравной борьбе с соком черного лотоса казаком, и

прислушался. Дыхание варвара было ровным, спокойным. Таким, каким и должно было быть в галлюциногенном полусне. Хиннар улыбнулся и хлопнул в ладоши.

– Начинаем! – сказал он. И посетители питейного заведения, среди которых не осталось ни одного, кто был тогда, когда Конан вошел в него, поднялись с мест.

Конана вынесли из таверны, усадили на носилки и потащили по улицам. Он чувствовал движение, но не понимал, что происходит. Он даже забыл, кто он, где и зачем. Звезды над его головой могли и не светить. Все равно перед глазами у него не было ничего, кроме тьмы.

Люди молча донесли паланкин до дворца защитницы и стали топтаться на месте. Из дверей вышли другие рабы в грязных лохмотьях, со спутанными волосами, измазанные белой глиной, суковатыми черными палками в руках. Следом за ними появилась Лилува в необычной для госпожи одежде.

Всего лишь набедренная повязка, правда из тончайшего кхитайского шелка красного цвета, жакет на шнурковке, из нее в основном и состоящий, который едва прикрывал прекрасную грудь. Но никаких украшений. На госпожу было трудно смотреть, не отводя глаз, она словно была нагая.

Рабы, все как один, в изумлении открыли рты, а Хиннар даже сказал:

– Госпожа...

Лилува приложила палец к губам и нахмурила брови. Хиннар мгновенно забыл, что хотел сказать. Зато вспомнил, что нужно делать. Он шепотом приказал опустить Конана на землю и поднять его на ноги.

Троє самых рослых и крепких рабов исполнили это. Теперь Конан возвышался над толпой, и выглядел бы весьма грозно, если бы не безвольно опущенная голова.

Лилува дала знак, и рабы в белой глине, изображавшие подземных зверолюдей из древних легенд, с угрожающими воплями принялисьноситься вокруг госпожи.

Конан приоткрыл глаза и вяло пошевелился. Один из державших его слуг взял его руку и возложил на меч. Казак послушно потянул меч из ножен, но полностью вытащить не сумел.

Лилува закричала, закружившись с рабами в диком танце. Они усердно делали вид, что нападают на нее, размахивая суковатыми черными палками, а она – что жутко напугана.

Конан что-то пробормотал. На помощь троим слугам успели еще двое, и Конан стал медленно двигаться с чужой помощью. Он был как большая и очень тяжелая марионетка, к тому же – с плохо смазанными

шарнирами, потому что оказывал неосознанное сопротивление. Но малопомалу он вытащил меч и стал водить им в воздухе. А поскольку на ногах он двигаться никуда не хотел, зверолюди бросились к нему и стали падать вокруг, якобы сраженные его мечом. Раздавались крики боли и яростные угрозы, Конану нанесли несколько чувствительных ударов, чтобы выглядело реалистичнее, правда, таких, которые не могли причинить ему большого вреда.

Когда все зверолюди были повержены, остался последний штрих, дабы завершить искусное представление для единственного зрителя, который так же был и главным его участником, сам того не ведая.

Из дворца защитницы вывели еще одного актера – в отличие от остальных, он был со связанными руками и ногами, а на лбу у него горело едва зажившее клеймо «вор».

Язык у преступника был вырван, чтобы он ненароком не вскрикнул что-то не вяжущееся с разыгранным для Конана представлением. Подсознание, погруженное в полусон черного лотоса к звукам особенно чувствительно.

Раб, водивший рукой Конана с мечом, осторожно разжал его пальцы, и взял меч в свои руки. Вор упирался, как молодой ишак, хотя и понимал, что уже не сможет изменить свою часть. Но когда его заставили встать на колени перед Конаном, он вдруг успокоился. И финал наступил быстро – раб вскинул меч высоко вверх и одним резким движением опустил его.

Даже если бы у вора все еще был язык, он успел бы вскрикнуть. Меч варвара был великим оружием не только в руках хозяина. Голова вора раскололась как грецкий орех, и меч прошел сквозь тело как сквозь масло, отделив правое легкое от левого и остановившись только в брюхе, да и то потому что острие длинного кривого клинка достигло земли. Раб вырвал меч, и тело казненного повалилось на землю распотрошенней тушей.

Меч вернулся в ножны, а Лилува бросилась обнимать ноги Конана и громко рыдать от радости.

– Спаситель мой, хозяин мой, ты вправе сделать со мной, что хочешь, ибо я ужасно виновата перед тобой! Я осмелилась бежать от такого хозяина, как ты! Я дурная глупая девочка, и меня необходимо высечь, хозяин мой!

Со всех сторон появились кошки и начали осторожно приближаться, принюхиваясь.

Казненного вора оставили для них, а Конана снова водрузили на носилки и вернули в таверну.

5

Конан встал с головой, как ни странно, но она как будто была не его, а какого-то идола в капище. Каменного идола с закрытыми глазами. Он все никак не мог поднять веки, чтобы посмотреть, встало ли вместе с ним солнце, а тут еще возник мальчик, которому нравилось слышать свой голос и при этом как можно сильнее напрягать легкие. Сначала этот мальчик долго и нудно звал маму, потом бабушку, потом кого-то по имени Кумми. Конан подумал, что будь он на месте этого Кумми, то бросил бы в мальчика что-нибудь тяжелое. Или лучше его придушить? Хотя, может быть, Кумми – это женское имя?

Потом Конан, наконец, увидел пол. Нехороший это был пол. Потому что хорошие полы лежат себе спокойно и никуда не едут, этот же, иначе, как из вредности, сразу же, как только предстал перед взором воина, крутанулся и поехал под лавку.

– Кром! – сказал Конан и свалился с лавки;

– Что, господин? – раздался голос. Хорошо, что это был голос не вопящего мальчика, а кого-то явно более разумного. Хотя вряд ли самого Крома. Так как Конан точно знал, что у Крома нет никакого хозяина. – Господин, вам плохо?

Обращались, кажется, к нему. Конан встал на колени и снова открыл глаза. Перед ним была качающаяся стена с полками, на которых стояло множество кувшинов, и человек со смутно знакомым лицом.

На всякий случай Конан поиском в ближайшем окружении свой меч, и обнаружил, что клинок побывал в чьих-то внутренностях.

– Кром! – снова помянул Конан.

– Вы мужественно сражались, – сказал тот же голос. – Убитые валились, как снопы.

– Так обычно и бывает, когда имеют дело мной, – мрачно заявил Конан.

– Вы великий воин, господин!

Конан всмотрелся в говорившего.

– Кто ты?

– Хиннар, ваш слуга, господин Конан.

Конан удивился. Насколько он себя помнил, у него никогда не было слуги. Он был не настолько беспомощен, чтобы постоянно пользоваться чужими услугами. Да и вообще не слишком понимал это. Служанка,

рабыня – это другое дело, тут есть смысл, пусть еще повар, но слуга – совершенно бессмысленно.

– Слуга? Но зачем? – спросил Конан.

Хиннар тоже удивился, но мимолетно. Он был хорошим слугой и умел скрывать свои чувства так же успешно, как угадывать чувства хозяйки. За это Лилува и сделала его управляющим над другими слугами.

– Такой великий господин, как вы, должен иметь слугу. Как иначе вы сможете, например, принимать гостей? Кто будет приносить еду?

– Хм. Об этом я как-то не подумал. Но я в вечных странствиях, и у меня нет дома, где бы я мог принимать гостей, а с друзьями я пью в тавернах, а там свои слуги. Кстати, ведь сейчас мы с тобой именно в таверне? Или я сошел с ума?

– Мы в таверне. Но сейчас это и есть наш дом, и все ваши рабы и слуги здесь. Вы купили эту таверну и намерены пожить здесь не меньше месяца, а может, и полгода.

Конан с сомнением огляделся. Купил таверну? Должно быть, он и вправду сошел с ума. Да и откуда у него такие деньги? Или здесь таверна продается всего лишь за один шекель, который он выиграл вчера на базаре?

– Ты говорил, что я сражался, а с кем? – спросил Конан.

– Вы храбро бились за свою новую рабыню, которая сбежала от вас, – сообщил Хиннар. – От вас! Ха-ха-ха! Безумная! И она почти получила по заслугам, когда попала в лапы этих жутких Дьяволов из подземелий, грязных зверолюдей. Намерения у них тоже были грязные. Но вы, господин Конан, появились вовремя. И глупышка не испытала физических мук. Она вышла из передряги целехонькой, ни одной царапины! Вам досталось гораздо больше.

Конан осмотрел себя. Хиннар прав. Ему досталось. Но совсем немного. Если бы не Хиннар, Конан вообще не обратил бы на такие пустяки в мание.

Хиннар достал из-за пояса плеть.

– Идите, накажите ее, она ждет.

Конан послушно взял плеть, хлыст который был свит из трех разноцветных шелковых шнурков, а ручка украшена золотым набалдашником в виде кошачьей головы.

– Она готова принять от вас любое наказание, – добавил Хиннар. И любезно повел Конана наверх, в комнату, где его ждала Лилува.

6

Поднимаясь, Конан пытался собрать воедино обрывки воспоминаний. Ночь, качание домов вокруг, грязные люди в белой глине, испуганные вопли смутно знакомой девушки, удар меча, разрубивший человека надвое. Но сок черного лотоса все еще был в нем и не давал прийти в полное сознание – в единую картину обрывки никак не складывались. Конан не мог даже вспомнить, как называется этот город и зачем он здесь.

Пахло в таверне тоже как-то непривычно. Не пережаренным луком и подгнившим мясом, не дешевым вином и пивом, чем обычно пахнет во всех приличных тавернах, а мисрийскими благовониями. Конан голову готов был дать на отсечение, что это они. Правда, голова сейчас была только наполовину его, а может и меньше, чем наполовину.

– Сюда, господин воин, – сказал Хиннар, останавливаясь у тяжелой дубовой двери.

Такую дверь ни руками, ни ногами не сломать, мимолетно подумал Конан, но едва дверь распахнулась перед ним, забыл об этом. Хиннар мягко подтолкнул его в спину, и киммериец вошел. Дверь захлопнулась.

Кровать под балдахином занимала чуть ли не всю комнату. Ткань балдахина была настолько прозрачной, что едва угадывалась по легкому движению.

Кровать была застелена красным шелком, и на ней лежали черные, белые и синие подушки разной величины и формы – и Конан догадывался для чего эти подушки. Подобные вещицы он видел в храмах любви в Шеме и Иранистане. Там они считались вендиjsким изобретением. И среди этих подушек, животом вниз, лежала обнаженная девушка. С белой нежной кожей. Плеть выпала из руки Конана словно сама собой.

Девушка встрепенулась всем телом и перевернулась на спину, потом села и встала на четвереньки, принялась кланяться, и ее длинные распущеные волосы черной волной заструились по красному шелку.

– Ах, простите, господин! Я вдвойне виновата перед вами – я заснула! Я недостойна вас, господин! – воскликнула девушка и поползла к нему на коленях, выпятив зад и прогнув спину, словно возбужденная кошка.

Конан не мог оторвать зачарованного взгляда от ее двигающихся ягодиц. И ничуть не удивился бы, если бы увидел хвост. Красавица вела себя, как животное, виноватое перед хозяином готовое лизать ему ноги.

Он вспомнил, как кричала она, когда зверолюди из подземных пещер

окружили ее и были готовы надругаться над ней. Странно, что на теле не было ни единой царапины. Но разве это имеет хоть какое-нибудь значение?

Конан попытался раздвинуть занавесь балдахина, но никак не мог найти, где он раздвигается. Красавица была совсем рядом, и ее чувственные губы изогнулись в легкой улыбке.

— Иди же ко мне, господин мой, — прошептала она таким голосом, что Конан не стал больше тянуть.

Шелковая ткань порвалась под его пальцами как столетняя ветошь.

Девушка оказалась проворной, гибкой и ненасытной. Кроме подушек и ее собственных неотъемлемых талантов, возле кровати оказался еще и инкрустированный столик с принадлежностями для любовных игр, но Конан отверг все. В таком важном деле он не признавал орудий, изготовленных человеком.

Он был великолепен, грандиозен, силен как боевой слон, разбивающий ворота вражеского города, но все же его силы, отчасти подточенные черным лотосом, были не безграничны.

К полудню он мирно заснул. Лилува сняла его могучую руку со своей груди и встала. Ее слегка пошатывало, но она была довольна. Усталость — ничто, она пройдет, а прекрасные воспоминания останутся.

За окном были слышны кошачьи завывания, вопли торговцев с рынка, призывы водоносов и другие звуки мирной жизни. Потом раздались три удара большого барабана на восточной башне, возвещавшие наступление полдня.

Лилува закуталась в вендинское красное сари, надушенное мисрийскими благовониями, взяла трехцветную плеть, вышла из комнаты и спустилась в большую залу. Там, несмотря на все усилия, все еще витало зловоние простонародья. Лилува уткнулась носом в край сари, дыша через ткань. Завидев госпожу, все рабы пали перед ней ниц, уперевшись лбами в пол. Хиннар побежал навстречу. На лице его отражалась тревога и озабоченность.

— Госпожа, ночью сбежала одна из ваших рабынь, недавно подаренная отцом, — сообщил Хиннар. — Цецилия.

— Пожалуй, я подала ей плохую идею своим ночных представлениям, — сказала Лилува. — Очень плохую. И, надеюсь, она получит по заслугам.

Цецилия поступила более чем возмутительно. Остальные рабы без ума любили свою прекрасную госпожу, были преданы ей до такой степени, что готовы были отдать за нее жизнь. А Цецилия словно, плонула Лилуве в лицо.

Дрожа от гнева, Лилува даже позабыла о дурном запахе — она уронила

край сари, подняла трехцветную плеть и медленно завязала на ней семь узлов.

– Когда поймаете Цецилию, эту неблагодарную корову, вручите ей от меня пятьдесят ударов! – сказала Лилува и отдала плеть слуге.

Цецилия бежала по раскаленному песку, подняв простое белое платье гораздо выше колен. Ноги ее горели, тем более что сандалий ей по рангу не полагалось. Но от этого она только бежала еще быстрее, вскрикивая время от времени, пугая скарабеев и ящериц. Почтовый голубь принес долгожданную весточку, что Джебор, ее истинный хозяин, возвращается. А значит, вместе с ним возвращается и ее пятилетний сын. Два года разлуки подходили к концу, и Цецилия не могла удержаться.

Она издалека заметила шатры Джебора. Маленький караван остановился, чтобы приготовиться ко входу в город.

Джебор и его друг Ханфий, с которым он вместе ездил в Вендию и Кхитай, не были простыми иноземными купцами, и не могли позволить себе после двухлетнего отсутствия появиться в городе в будничном виде. Нужно было нарядить верблюдов, стряхнуть с тюков пыль, привести себя в порядок.

Джебор обещал освободить ее вместе с сыном, если она будет хорошим соглядатаем. И ей ничего не оставалось, как пойти на риск. А риск действительно был огромен, ведь если бы Лилува признала, кому принадлежала раньше Цецилия и чье клеймо находится у нее с внутренней стороны бедра, она бы поняла, чем на самом деле занимается рабыня. И не имело бы значения, на кого она шпионит. Достаточно было бы уже одного факта тайного наблюдения. Цецилия была бы умерщвлена по суровому закону Хатора, предусматривающему самую жестокую казнь для соглядатая, и таким же образом был бы убит ее сын.

Сердце Цецилии готово было выскочить из груди.

– Господин Джебор! Добрый господин! – закричала она с вершины бархана, завидев Джебора.

Он заметил ее и помахал рукой. Рядом с ним был Ханфий. Они сидели возле темно-синего шатра и пили из серебряных кубков.

– Добрый господин! Добрый господин! – без умолку повторяла Цецилия, спускаясь.

Упав перед Джебором ниц, она уткнулась лбом в песок, ожидая, когда хозяин заговорит первым.

– Ну, рассказывай же, Цецилия, – поторопил Джебор. – Я жажду узнать, что поделывала моя будущая жена, пока я ездил за свадебными подарками.

И Цецилия рассказала. Она поведала о рабах? которые ублажали госпожу массажем, о предметах, которые госпожа собирала со всего света, предназначенных для того, чтобы упражняться в самой изысканной любви, о жрицах из храма любви богини Бает, дважды приезжавших к Лилуве, с которыми она запиралась в особых покоях, куда никому не было доступа, кроме нескольких немых рабынь. Поведала она и о варваре, который пришел только вчера и захватил все внимание Лилувы.

По мере того, как длился рассказ, Джебор становился все мрачнее. И когда услышал о Конане? вскочил с искаженным от гнева лицом и бросил кубком в рабыню.

Она не шелохнулась.

– Да как она могла! – Джебор схватился за голову. – Как она могла! Не понимаю! Разве позволял себе хоть словом обидеть ее? Разве мы не были близки с детства? Цецилия, а где был этот варвар, отродье свиньи, когда ты покинул мою возлюбленную, спеша ко мне?

– Он был... – страшась гнева господина, медленно сказала Цецилия, – в ее покоях.

– О, Хор, крылатое солнце, она разорвала мое сердце! – закричал Джебор и воздел руки солнцу, взывая к его милостям. – Она убила меня! Она предала нашу любовь!

– Когда же я увижу своего сына, господин? – не выдержала Цецилия.

Джебор мрачно усмехнулся. И сердце Цецилии сжалось от страха, почувствовав неладное.

– Отдайте ей, нам он больше не нужен, – сказал Джебор.

Черный раб удалился за шатер, и вскоре вернулся, держа в руках что-то завернутое в ветхие, серые от пыли тряпки. Очень легкое.

В глазах у Цецилии потемнело. Она вдруг поняла, что это. Она попыталась шагнуть навстречу рабу, но ноги не удержали ее. Она упала на колени и в мольбе протянула вперед руки.

– Титус, сыночек, иди к маме, – сказала она. – Мама хочет обнять тебя.

Черный раб остановился перед Цецилией, и тоже опустился на колени, передав ей то, что было завернуто в тряпки.

– Тарантул, два месяца назад, – скучо объяснил он и поднялся.

Цецилия бережно прижала сверток к груди. Он действительно мало весил. Столько, сколько весят сухие кости и кожа пятилетнего мальчика.

– Титус, Титус, – бормотала раскаивающаяся Цецилия. – Ты больше не будешь рабом, потому что твоя мама стала вольной женщиной. И мы отправимся с тобой, куда захотим. Мы больше не будем никого спрашивать, куда нам идти, где нам остановиться, что нам делать. Мы вернемся туда,

где жили мои предки. Мы дойдем с тобой до Рабирийских гор – и у нас будет свой сад, в котором я сделаю тебе качели...

Продолжая бормотать, Цецилия неожиданно быстро поднялась и направилась по песку прочь, в направлении западного моря.

Черный раб собрался было остановить ее.

– Пусть идет, она свободна, – сказал Джебор. И Цецилия скрылась за барханом.

– Не надо было так, – упрекнул Ханфий.

– Не мы виноваты в том, что мальчишку убила пустыня, и не она виновата в том, что случилось, но она принесла дурные вести, и мы всего лишь отплатили ей тем же, – возразил Джебор.

Сверху замок защитницы Хатора представляет собой неравносторонний треугольник, обращенный острием на восток, в основании которого имеется полукруглая ниша, а перед нишой тоже полукруглая, но в десять раз больше, площадь. В нише стоит идол, облаченный в доспехи. Это идол боевого воплощения богини Бает. Мышцы его рельефны и броня повторяет их очертания. Больше всего он напоминает гигантского тигра, вставшего на дыбы, только у обычного тигра гораздо меньше клыки и когти. У этого же клыки словно сабли, а когти будто изогнутые кинжалы. Грудь его огромна, а хвост толст и короток.

Идол стоит на полом металлическом кубе с двумя круглыми входами. Среди кошек города заведен обычай приходить сюда, когда они испытывают муки любви. И из пустотелого постамента каждую ночь раздаются тягучие кошачьи вопли, которые способствуют повышению рождаемости не только у кошек, но и у людей. Ибо жители Хатора преклоняются перед кошками и испытывают благоговение перед всеми проявлениями их таинственной жизни.

Люди тоже приходят на площадь, когда погружаются в счастливое безумие страсти. Они встают перед идолом на колени и молчаливо приносят ему свои молитвы. Богиня выглядит свирепо, но добра к горожанам, ибо призвана защищать их от всякой напасти.

Три башни разной высоты окружают уютный внутренний двор, скрытые покои защитницы. Сюда не выходит ни одного окна, а стены увиты плющом, чтобы не раздражать глаза плебейскими кирпичами. В середине двора устроен бассейн.

После встречи с варваром, хоть и таким прекрасным и сильным, Лилува испытывала огромное желание погрузиться в благоуханную воду. Хотелось расслабиться и вдыхать привычные ароматы.

Три немые служанки с огромными опахалами из павлиньих перьев создавали прохладу и тень. Вода для бассейна была привезена из мертвого озера, в котором, говорят, даже камни не тонут. Это было преувеличением, камни тонули, но человеческое тело вода была способна удержать. Лилува лежала на спине, глядя сквозь прорехи в перьях на злое горячее небо, добиравшееся до ее лица даже через все преграды.

Она думала о человеке, пришедшем с далекого севера, человеке с

гривой черных волос, сапфировыми глазами и статью леопарда. Думала лениво, расслабленно, не доводя ни единой мысли до конца. Ничего конкретного, ничего, что можно было бы выразить словами. И поэтому звук медных труб, возвещавший о прибытии каравана, был вдвойне неожиданен.

– Кого это к нам принесло? – спросила Лилува, принимая в воде вертикальное положение. Но служанки не смогли бы ответить, даже если бы у них были языки.

Лилува оделась в кхитайские одежды – желтое платье с широкими рукавами и лентами трех цветов, жакет с золотым шитьем, изображает игру двух драконов над волнами моря.

На площади перед воротами уже, как всегда было полно народу. Стояли и лежали верблюды. Пахло благовониями. Водоносы и ишаки визгливо орали. Продавцы щербета нудно восхваляли свой товар.

И беглого взгляда на караван было достаточно, чтобы понять, кто прибыл. Тем более, что прибывшие немедленно устремились навстречу Лилуве, едва она появилась на площади.

– Джебор?! – Лилува не сумела скрыть на лице досады. Но быстро пришла в себя и улыбнулась: нежно, как она считала, но на самом деле ее улыбка напоминала оскал шакала при виде убитой львом антилопы. – Ах, Джебор, это так удивительно, что ты вернулся быстрее, чем я ожидала!

– Я спешил увидеть свою возлюбленную, свою нежную голубку, невинную словно дитя, – ответил Джебор. И в голосе его ясно прозвучала скрытая насмешка. – Всю дорогу я мечтал о тебе! Мечтал о твоих нежных губах, проходя через которые любое слово становится прекрасным! Но я... Нет, нет, я неспособен, я не в силах... Никакие слова не помогут мне выразить всю мою любовь к тебе!

Лилува всплеснула руками, так, чтобы ее рукава красиво взметнулись.

– Я так рада! Ах, голова у меня идет кругом! Я вся горю!

– Мы непременно должны уединиться в нашем тайном дворике, – сказал Джебор, отчего лицо Лилувы приобрело слегка кислое выражение.

– Я ждал этого целых два года! Все дни, что мы провели в разлуке, начиная с первого дня! Вдыхая запах верблюдов и пряча лицо от палящего солнца, я не думал ни о чем, кроме тебя! Ничто не было способно помешать мне! Я хочу припасть к твоим ланитам, хочу ласкать твои волосы и ощущать под руками твой гибкий стан! Я весь в нетерпении... Но, увы, не могу сделать всего этого немедленно, ибо сначала мне необходимо завершить одно важное дело.

– Разве дела не могут подождать? – удивилась Лилува. Она считала,

что Джебор тотчас же захочет оставаться с ней наедине. Она не хотела этого, но думала, что этого невозможно избежать, поэтому слова жениха весьма сильно изумили ее.

– Эти – не могут! – Джебор отступил на два шага и низко поклонился.

– Госпожа моя, я весь ваш, но чуть позже...

– Что ж, – холодно сказала Лилува, состроив презрительную гримасу.

– Это ваше дело... Учтите только, что я вами недовольна. Вы просто разбили мое хрупкое сердце!.. И не знаю – сумею ли я когда-нибудь простить вас...

Она высокомерно вскинула голову и пошла прочь, не забывая, впрочем, соблазнительно покачивать бедрами – это у нее получалось очень хорошо, настолько хорошо, что ей позавидовала бы сама богиня Бает.

– Хороша! Сет меня побери, да она просто великолепна! Может, простишь ее и бросишь свою затею? – сказал Ханфий. – Хуже от этого точно не будет.

Джебор смерил друга таким взглядом, будто смотрел на младшего брата, который произнес несусветную глупость.

– Ни за что, – твердо произнес он.

9

На этот раз пробуждение Конана не был столь мучительным, как утром. Голова все еще не полностью принадлежала ему, оставалось много мест, в которых было глухо и пусто. Но он уже мог, хоть и не без труда, вполне связно рассуждать. «Похоже, я выпил лишку, — подумал он, — и теперь не могу понять, что мне приснилось, а что было на самом деле».

Сквозь тяжелые занавеси с красными и синими драконами, сцепившимися в борьбе за жемчужины, пробивалось солнце. В комнате слишком сильно пахло благовониями. Некоторое время назад Конана это вполне устраивало, даже нравилось. Но не сейчас. Захотелось свежего воздуха.

Сорвав остатки балдахина, он подошел к окну и раздвинул занавеси. Окно оказалось очень большим. Почти до самого пола. И было закрыто тонкой, едва заметной сеткой. Улица была перед Конаном, как на ладони, но и он был перед ней.

Пока он рассматривал вздымающееся над крышами здание великолепного замка с тремя башнями разной высоты, внизу собралась небольшая толпа. В основном женского пола.

Из задумчивости Конана вывел девичий смех. Он посмотрел вниз, и до него дошло, что он привлек внимание. Стайка девочек лет десяти-двенадцати хохотала, прикрыв рты ладонями и показывая на него пальцами. Хохотала без удержу, иногда даже сгибаясь пополам. Но при этом отводя глаза, лишь изредка украдкой поглядывая на Конана.

Зато старуха, опирающаяся на клюку, страшная как смерть, скрюченная и дрожащая, смотрела на варвара пристально и неотрывно, как кошка, следящая за жертвой. Глаза ее слезились, рот с дряблыми бесцветными губами был приоткрыт, показывая безобразную пустоту. Потом старуха наклонилась к земле, подняла камень и кинула в окно. Конечно, у нее не было сил добротить, и камень упал, не долетая, но из-за этого до Конана вдруг дошло, почему он привлек внимание.

Конан был не одет. Совсем не одет.

Ничего необычного для многих стран, в которых он побывал. Но не здесь.

Конан не стал дальше издеваться над чувствами особ слабого пола и отошел от окна, принявшиесь искать свою одежду. Но оказалось, что это безнадежное дело. Ничего, кроме предметов для изощренных любовных

утех, самой кровати и рывков балдахина, в комнате не было. Если, конечно, не считать сосудов для удовлетворения простых человеческих нужд.

Нет, – подумал Конан, – что-то тут определенно не так. И эта девушка... Ее образ в памяти странно двоился – она была то покорной, страстной рабыней, то надменной госпожой в окружении своих рабов...

Звериным чутьем варвар Конан почувствовал ловушку. Он подошел к двери и попытался ее открыть. Усилия ни к чему не привели.

Он поиском щеколду, потом какой-нибудь скрытый механизм, но ничего подобного не обнаружил. Дверь явно можно было открыть только снаружи.

Кром, это начинает плохо пахнуть. Внутренне напряглись, он еще раз быстро оглядел комнату. Теперь это была не просто комната, а яма, в которую поймали тигра. Но тигра без когтей – и это не нравилось Конану больше всего.

За дверью послышались шаги и голоса. Громкие голоса. По крайней мере, зверя не собирались ловить исподтишка. И, пожалуй, не совсем понимали, что это не заяц.

Конан усмехнулся. Ну что же, он постараится удивить горе-охотников...

10

Джебор был невменяем. Никакие увещевания на него не действовали. Он двигался, как раненый кабан – не разбирая дороги. Со времени расставания с Лилувой он уже успел поссориться с парой приятелей, не только не ответив на их радушные приветствия, но и толкнув их так, будто они были простолюдинами. Так же он опрокинул две повозки с фруктами и пнул одногоного нищего, не успевшего убраться с пути.

– Джебор, успокойся! – в очередной раз тщетно взывал Ханфий. – Ты что, не видишь, что с собой делаешь! Неважно, в конце концов, что это за тип. Какой-нибудь из заблудившихся в пустыне путников, для которого наш город – райское местечко! Грязный тип, который не стоит и одного твоего пальца!

Джебор вдруг остановился и резко обернулся к другу.

– Хватит! Грязный он или чистый на самом деле – не имеет значения... И ты... Ты знаешь, что имеет значение!

С этими словами он вошел в казавшуюся снаружи убогой таверну, откуда, как крысы с корабля, хлынули на улицу слуги Лилувы. Они бежали едва ли не на четвереньках, боясь встретиться с господином взглядом, скрывая лица, зная, что ждет их в противном случае.

Расшвыривая ногами все предметы, попадавшиеся по пути, которые можно было расшвыривать, Джебор прокладывал себе путь по враждебной территории. Ноздри его раздувались. Он чувствовал себя, словно охотник в джунглях, напавший на след зверя. Тысячи сильных запахов отвлекали, кружили голову, но он знал, какой запах ведет его, какой запах вызывает в нем кипение крови. Запах мужлана.

Впрочем, на самом деле нос Джебора вовсе был настолько чувствителен. Он не смог бы отличить запаха кролика от запаха кабана. Зато воображение было у него весьма сильно, и его с лихвой хватало, чтобы компенсировать отсутствие нюха.

Только единожды он остановился перед лестницей на второй этаж, в неуверенности, следует ли подниматься. Он оглянулся на Ханфия, ища поддержки. И получил ее. Ханфий бывал здесь знал, где находится лучшая комната для гостей, поэтому не сомневался, где именно прячется гость Лилувы.

– Туда! – сказал он, на миг позабыв о добровольно возложенной на себя миссии сдерживания друга.

Они поднялись бегом, словно два охотника почувствовавшие запах близкой дичи, словно два шакала, преследующие антилопу.

Джебор толкнул дверь, но когда она открылась, перед ними предстал не тот человек, которого они ожидали увидеть.

Не слабый изнеженный красавчик с женским лицом и манерами столичной проститутки, который со страхом взирает на оружие, а огромный дикарь, с мускулами, как у горного барса, с черной гривой волос и леденящим взглядом голубых глаз.

Он стоял в позе гладиатора, ждущего, когда на него выпустят свору боевых псов, чтобы хладнокровно расправиться с ними. И в первый момент настолько ошеломил своим видом, что купцы забыли дышать. Но было в его внешности и то, что в следующий миг вызывало у Джебора приступ безудержного смеха, а у Ханфия – ироничную улыбку.

На нем не было никакой одежды. И вместо меча он держал деревянную баласину от кровати. Он держал баласину, как опытный воин держит меч, но сути это не меняло. Разве устоит презренное дерево перед металлом?

– Ты из актеров? – спросил Джебор, давясь от смеха. – Эта баласина тебе идет! – собственное замечание показалось Джебору настолько остроумным и забавным, что он согнулся пополам от смеха, а из глаз его полились слезы. Так весело ему не было с самого детства, с тех пор, как он впервые увидел комедию на сцене заезжего театра.

– Тихо, тихо, Джебор, ну нельзя же так... – уверял Ханфий, но друг обращал на него мало внимания.

– Нет, – сказал голый варвар, и это было первое слово, которое они от него услышали.

– Нет? – спросил Джебор, подмигивая Хан-фию. – Так тебя зовут Нет? Откуда ты, Нет? И что ты собираешься делать с этой палкой, что у тебя в руках?

– Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. И я не актер, – сообщил Конан с мрачным лицом. Он нисколько не разделял веселья купцов. И вообще они ему не нравились. – Что вам от меня нужно?

Джебор вдруг перестал смеяться – и лицо сделалось столь же мрачным, как у противника.

– Ты рассмешил меня, – сказал он. – И это добавило тебе несколько лишних мгновений жизни. Но не спасло. – С этими словами он единым движением выхватил меч и бросился на киммерийца, намереваясь посмотреть, какого цвета у него внутренности.

И с удивлением, вместо этого, увидел свои. Все произошло так

быстро, что он не сразу понял, каким образом его живот оказался вскрыт. Конан из Киммерии был теперь вооружен его мечом, а баллясина застряла в сетке окна, раскачиваясь. Потом вдруг картина произошедшего ясно предстала перед внутренним взором Джебора, что от ужаса он закричал.

Конан баллясиной сломал ему кисть руки, и пока ненужный уже предмет мебели передвигался в воздухе, взял его меч и, умело направив лезвие, разрезал живот, погрузив острие меча достаточно далеко, чтобы Джебора больше не заботила жизнь. Все это Джебор понял в одно мгновение, следующее за тем, как это случилось. Умирал он быстро и болезненно. Прекрасно осознавая, что умирает. И это было настолько похоже на дурной сон, что душа его сначала по ошибке отправилась в мир сновидений, а не в мир смерти.

– Я умер, – с удивлением, но очень спокойно сказал он, не веря самому себе, и только тогда действительно умер.

Ханфий все еще продолжал улыбаться, когда Конан оторвал взгляд от убитого и посмотрел на него. Синие глаза киммерийца словно заморозили Ханфия. Он с трудом стер улыбку с лица.

– Он умер, – сказал Конан. – А ты?..

Ханфий не понял, что хотел сказать варвар. И не испытывал большого желания выяснить это. Особенно, когда цена знания грозила вырасти до цены его собственной жизни.

Конан шагнул к нему с опущенным мечом. Он не собирался убивать непрошенного гостя. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, зачем тот здесь. Но объяснить это Ханфию не успел.

Купец бросился прочь по коридору. К сожалению, он перепутал направление, и бежал не к лестнице, а от нее. А когда он понял это, Конан уже стоял в коридоре. Отступление было невозможно.

С жутким криком Ханфий врезался в резное деревянное окно, проломил его и вывалился наружу. Здесь ему, наконец, повезло – он приземлился на тканевую крышу повозки и скатился с нее, не получив ни ушиба, ни царапины. Правда, ножами он разодрал спасшую его крышу – и когда встал на ноги, то увидел красную от гнева физиономию владельца повозки.

– Ну, ты за это ответишь! – прорычал владелец.

Ханфий молча указал пальцем наверх.

Падение Ханфия к тому моменту уже вызвало всеобщее внимание, и его пальцу последовал многие взоры.

В проломленном окне горожане увидели обнаженного мускулистого варвара с окровавленным мечом. Послышался женский визг, за ним еще

один – и людей охватила паника.

Ханфий добавил масла в огонь.

– Он убил Джебора! – визгливо выкрикну он. – Убийца!

– Убийца! – подхватили горожане и бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. – Убийца!

11

Прежде чем выйти на улицу, Конан решил заняться своим гардеробом. Не пристало в цивилизованном месте слишком долго разгуливать без одежды. Он вернулся в спальню, посмотрел на убитого, но трогать его не стал. Нехорошо получается. Не стоит давать даже малейшего повода думать, что он убил человека из-за презренной одежды. Сначала надо выяснить, что местные жители вообще думают о нем. Череда странностей не давала Конану покоя. Слишком многое произошло такого, что он не знал, как объяснить.

Он соорудил себе набедренную повязку из обрывка балдахина, а другим обрывком вытер меч.

Улица была пуста от людей. Только брошенные паланкины, перевернутые в спешке прилавки со снедью, десяток кошек разной масти и мирно бродящие среди них птицы, клюющие просыпанное зерно.

Словно люди спрятались от чудовища. И не иначе, как они считали этим чудовищем самого Конана. Почти голый, в одной лишь нелепой набедренной повязке, с чужим мечом и нечесаной гривой волос, он все еще ощущал запах юной женщины, витающий вокруг него, который неспособны были забить даже запахи пряностей, густо стоявшие в воздухе.

Конан посмотрел вверх. Ставни были захлопнуты, но с крыши на него взирало множество любопытных глаз. Крыши здесь были плоскими, и на них устроены места для отдыха – видны были торчавшие опахала, парусиновые навесы и шесты с шелестящими на ветру бумажными лентами, отгоняющими злых духов.

Конан был голоден и ему страшно хотелось пить. Он чувствовал себя так, словно демоны пустыни, несмотря на бумажные ленты, все же проникли в город и все вместе решили обосноваться в пищеводе у Конана. Он чувствовал себя так, будто ему в горло вогнали раскаленный железный кол, и вогнали до желудка и даже немного ниже.

Базарная площадь тоже обезлюдела. Так привлекший вчера внимание Конана шатер, расшитый цветами и птицами, с окнами из полупрозрачного шелка, был открыт. Он обогнул лавку с горой фруктов и заглянул внутрь. Запах сандала, мускуса и амбры был настолько силен, что на несколько мгновений Конан даже забыл о жажде, почувствовав быстро нарастающее возбуждение. Внутри были разбросаны подушки всех цветов на одних тоже были птицы и цветы, на других – крабы.

Зачарованный запахами и видениями танцующих соблазнительных теней, Конан вышел.

И едва не поплатился за свою зачарованность.

Человек, прятавшийся за шатром, прыгнул на киммерийца, как лев прыгает на спину антилопы. Если бы он прыгнул молча, то смог бы нанести Конану весьма значительный урон, может быть, даже убить, в случае везения.

Но он прыгнул с таким воплем, который напугал бы даже сонного бегемота, лежащего в болоте. Он вопил, как добрая сотня обезьян, собирающаяся напугать соседнюю стаю.

Предупрежденный криком, Конан успел наполовину обернуться и отклониться, так что нападавший пролетел мимо него и врезался в гору с фруктами.

Тотчас, прежде незаметный, с верха парусинового навеса сорвался большой зеленый попугай и, теряя перья, с визгливыми, режущими слух воплями помчался прочь.

Конан узнал нападавшего. Увидя его, невозможно было его не узнать. Шестипалый продавец щербета, горбатый, как вепрь. И столь же заросший жестким черным волосом. В каждой руке у него было по ножу. Он был почти полностью обнажен, если не считать ветхой набедренной повязки. Все тело намазано маслом.

– Убью! – зарычал он, отирая с лица мякоть спелых плодов личжи.

– Теперь уже вряд ли, – заметил Конан, принимая боевую стойку.

На полуносом лице урода появилось сомнение. Он посмотрел вверх, на попугая, летающего кругами, продолжая вопить, потом опять на киммерийца. Лицо его вдруг исказилось яростью, он фыркнул, как лошадь, брызнув грязной слюной себе на подбородок и грудь, и снова атаковал.

На этот раз Конан не только уклонился, но и ударили мечом плашмя. Удар пришелся по горбу, и бедный продавец щербета полетел на землю с ускорением большим, чем ускорение свободного падения.

Он ударился лицом и взвыл от боли. Перевернувшись на спину, он еще раз пробормотал:

– Убью! – С трудом поднялся, вытирая тыльной стороной кисти кровь, сочающуюся из носа, и снова бросился на Конана.

Видно, он бесповоротно решил стать героем. Роль продавца щербета перестала его устраивать. К тому же, он, наверное, просто устал жить. Ну, что же, решил Конан, тогда он выбрал правильный путь.

Меч поднялся на уровень шеи продавца щербета и двинулся ему навстречу. А в следующее мгновение из шеи хлестала кровь.

Горбун выронил ножи и опустился на колени. Он схватился за шею, хрипя и булькая. Глаза его помутнели, но губы вдруг расплылись в улыбке.

– Вот и все, – пробормотал он и снова упал лицом в землю. Тело его разом все вздрогнуло, потом затихло.

Конан вытер меч о полупрозрачный шелк шатра, взял из горы фруктов один понравившийся ему персик и направился дальше на поиски вина или щербета.

Возле перевернутого паланкина, из которого выссыпались подушки, он остановился и с любопытством заглянул внутрь. Ему казалось, что за занавесью кто-то прячется. Но паланкин был пуст. Если не считать пузатой глиняной бутылки, заткнутой пробкой.

– Хм, – сказал сам себе Конан и взял ее. В руке образовалась приятная тяжесть. Еще внутри паланкина лежала страшного вида плеть кожаная, с мелкими металлическими крючками. Пыточная штуковина – отнюдь не для благородных граждан.

Интересная идея пришла в голову Конану. Он усмехнулся и взял плеть тоже, сунув ее за набедренную повязку. Посмотрим, насколько Лилува хочет, чтобы ее наказали.

Конан выдернул пробку из бутыли и сделал большой глоток. Внутри оказалось отличнейшее вино, что очень взбодрило Конана и привело его в приятнейшее расположение духа. Даже развеселило.

Допив, Конан отбросил бутыль, воткнул меч в землю и поднял вверх пустые руки.

– Я не хочу вам зла! – проорал он, но в ответ только по-прежнему шелестели бумажные ленты.

– Что ж, – громко сказал Конан, желая, чтобы его слова дошли до ушей той, которой они были действительно предназначены. – Пойду искать свою красавицу. Думаю, она тоже жаждет встретиться со мной. У меня ведь еще осталось для нее мое жаркое семя...

И направился в сторону замка с тремя башнями разной высоты. Сам не зная почему, он был уверен, что красавица живет именно там.

12

Хиннар вбежал в покой госпожи и сразу повалился на пол в глубоком почтении. Он был весь потный и своим потным лбом оставил пятно на идеально отполированном полу. Лилува в недовольстве топнула ножкой. Движением руки она отослала служанок, оставив только мальчика с опахалом.

– Вижу, Хиннар, раб мой, тебе есть что сказать. Так говори.

– Да, госпожа. Ваш дикарь на свободе. Джебор освободил его.

Лилува вскочила с ложа и бросила кисть золотого винограда на пол. Из лопнувших виноградин потек сок.

– Я убью этого негодяя! Да как он посмел... – Она задохнулась от гнева, не в силах вымолвить больше ни слова.

– Не гневайтесь, госпожа. Он уже мертв.

– Что? Да как он посмел... – И вдруг до Лилувы полностью дошел смысл сказанного. Ноги ее подкосились и, она опустилась обратно на ложе. – Ну почему... Почему он всегда делает все мне назло...

– Народ ропщет, госпожа... Ваш дикарь выкинул господина Ханфия в окно прямо в толпу на базаре. А у господина Джебора вспорот живот, смотреть на него, говорят, весьма страшно. Люди боятся, госпожа... Поэтому никто особенно против Конана не выступает, все боятся быть убитыми...

Лилува задумчиво взяла персик и прижалась к нему щекой. Ворсинки на его кожуре были мягкими и нежными, и запах от него исходил успокаивающий, тонкий, будто не существовало на свете всего этого народа с грязными ртами и ногами, который только и думал о том, как бы ему убить истинных властителей города.

– Так и что же... – томно произнесла она, искренне не понимая, чего от нее хочет презренный слуга.

– Теперь только вы можете остановить его, он уже сказал о вас... – Хиннар принял вдруг отползать, словно нечаянно ляпнул лишнего.

– Сказал обо мне? – встрепенулась Лилува. – И что же он мог сказать обо мне, если ты в смущении отступаешь передо мной?

– Не гневайтесь, госпожа. Мой рот не в силах вымолвить то, что сказал пришлый варвар, – бормотал Хиннар.

Лилува вскочила. Вот теперь она разозлилась не на шутку. Больше всего она ненавидела, когда от нее скрывали то, что знали все остальные.

– Я гневаюсь, что ты молчишь! И клянусь всеми богами Стиksа, что ты очень пожалеешь, что не держал свой поганый рот закрытым. Да ты даже пожалеешь, что я не казнила тебя раньше! За мелкие прегрешения!

– Я скажу! Скажу! – испугался Хиннар, видя, как исказилось лицо его милосердной повелительницы. – Он... Этот, безмозглый варвар, у которого вместо мозгов мышцы, сказал, что у него осталось для вас его грязное семя...

Хиннар с преувеличенно громким стуком ударил лбом об пол, чтобы хотя бы отчасти заглушить эхо собственных слов, за которые, он это чувствовал, головы ему не сносить.

– Что?.. – сказала Лилува. И вдруг громко рассмеялась. – Отрежьте ему член – и проблема отпадет сама собой! – заявила она, снова опускаясь на ложе, и откусывая от персика. – Не вижу, почему бы вам не сделать этого немедленно. Варвар больше не нужен мне. Мне с ним скучно... Мальчик, ты заснул?

Мальчик, действительно слегка позабывший зачем у него в руках опахало, заработал им с новой силой. Лилува томно вытянулась на ложе, Делая вид, что окончательно потеряла интерес ко всему, кроме персика в своей руке.

– Кому прикажете первому умереть? – спросил Хиннар. – Я буду рад исполнить ваше приказание, госпожа.

– При чем тут твоя смерть, Хиннар, ты что, не слышал, что я приказала только что? Твоя смерть мне не нужна.

– Думаю, что все, кто попытается приблизиться к вашему варвару с оружием, отправятся вслед за Джебором.

Лилува вскинула брови.

– Он настолько опасен?

– Возможно, для солдат нет, но у нас здесь нет солдат. А он профессиональный воин. Поэтому-то он так легко и поверил в спектакль, который мы разыграли для него ночью.

– Ты хочешь сказать... – Лилува прикрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться с персиком рту. – Хочешь сказать, что он проделывал так наяву?

– Не обязательно именно такое, но подобное. А немного волшебного зелья позволило ему принять некоторые особо нелепые вещи.

– Фантастические, раб. Не забывай, кто все это придумал, – поправила Лилува.

– И вот поэтому, госпожа, у нас только один путь. Его необходимо убить. И убить его в сложившихся условиях можно только применив

хитрость. Все войны выигрываются окольными путями.

— Что же это за хитрость? — Лилува погрозила пальчиком. — Признавайся, Хиннар, ты ведь уже все придумал? Иначе бы ты не заявился мне с глупыми разговорами.

— Нужно убить его у вас, когда он потеряет бдительность, — ответил Хиннар. — Поверьте, это лучшее, что мы в силах сделать... Другого пути нет.

13

У подножия самой высокой из башен замка имелись широкие двери – и они были открыты. Гостеприимно распахнуты навстречу Конану. Он смутно помнил короткую лестницу и маленькую площадь под башней. Посмотрев наверх, он увидел развевающееся на ветру желтое знамя с изображением красного тигра.

На нижней ступеньке уютно свернулся рыжий кот. Конан перешагнул через него, положа руку на эфес меча. Слишком это все напоминало вход в мышеловку, но Конан не мог остановиться – его непреодолимо влекло к юной женщине, он чувствовал ее запах, от которого кружилась голова и сильнее стучало сердце. К тому же, Конан не считал себя беспомощной мышью.

Внутри был вход, закрытый красными драпировками. Конан вытащил меч и раздвинул драпировки острием. За ними никого не было, но запах женщины стал еще сильнее.

Конан двинулся по коридору, внимательно осматривая стены, пол и потолок. Они были сложены из больших темных от древности кирпичей.

В конце коридор поворачивал направо. Конан осторожно выглянул из-за угла и увидел проем, закрытый пологом из свободно свисающих золотых нитей.

Приглядевшись, он понял, что нити эти – человеческие волосы. Прекрасные волосы златоволосых красавиц. Переливающиеся светом, колышущиеся от малейшего прикосновения ветра.

– Ты уже здесь, мой господин? – раздался знакомый голос. – Где же ты? Почему ты не входишь ко мне?

Конан шагнул сквозь волосяной полог и оказался в комнате, завешанной красными драпировками. Посреди комнаты стояло ложе, на котором возлежала его прекрасная невольница. Хоть пожалуй, сейчас она была госпожой. Да и всегда, понял Конан, была госпожой. Утренние события являлись всего лишь невинным розыгрышем – у Конана не было ни рабов, ни слуг. Это обстоятельство вдруг открылось ему отчетливо, будто на глаз упала черная пелена.

– Ну, иди же сюда, мой милый, – сказала она, выгибаясь на ложе и облизывая соблазнительно увлажненные соком губы. – Я так тосковала без тебя...

Конан не видел ее правой руки. Она как-то слишком нарочито прятала

ее за ложем, изо сил пытаясь делать вид, что совершенно расслаблена.

Острым, натренированным за суровые годы сражений, боковым зрением киммериец улавливал и еще одну странность этого места. Драпировки шевелились словно от ветра. Но никакого ветра здесь не было.

— Ты ждала меня, — спокойно сказал он, вслушиваясь и принюхиваясь. Тут были не только запахи фруктов и женщины, но и запах мужчины. Напряженного, озабоченного мужчины — однако отнюдь не совокуплением.
— И приготовила для меня сюрприз...

Лилува вздрогнула. Едва заметно, но достаточно для того, чтобы это увидел Конан. Она боялась его, и, пожалуй, боялась больше, чем хотела.

— Этот сюрприз — я, — произнесла Лилува, снова делая вид, что расслаблена.

— Пожалуй, я забыл об одной вещи, — заявил Конан. — Когда мы встретились впервые, я собирался наказать тебя, моя непослушная рабыня. Но я не сделал этого... Теперь, думаю, настало время восполнить упущенное... — С этими словами киммериец вытащил из складок набедренной повязки кожаную плеть с крючьями. Лилува непроизвольно напряглась, приподнявшись с ложа, и уставилась на орудие пытки широко раскрытыми глазами. — Отличный бич, — сказал Конан. — И он оставит на тебе незабываемые следы...

— Хиннар! — вдруг отчаянно завопила Лилува, и на втором слоге голос ее сорвался.

Конан усмехнулся: у женщин слишком развито воображение, особенно, когда это касается боли.

Комната мгновенно ожила. Драпировки раздвинулись, и из-за них выскоцила дюжина слуг с мечами и щитами. Они все тряслись и жутко потели от страха. Так что воздух вокруг переполнился миазмами трусости. Они все хотели убить Конана, были призваны вопреки своей воле сделать это, и боялись этого не меньше, чем собственной смерти. Особенно выделялся среди них один, уже знакомый киммерийцу — человек, представившийся с утра его слугой. Он подступил ближе всех, и в глазах его светилось решительное отчаяние.

— Убейте его! — сорванным голосом вскрикнула Лилува, и Конан, наконец, увидел, что она прятала в правой руке.

Всего лишь нож. Длинный стигийский нож с позолоченным лезвием. Дорогую игрушку жрецов.

Хиннар завопил, как кастрируемый поросенок, и бросился в бой, точнее, к мечу противника, чтобы подставить под него лицо, которое при столкновении с ним аккуратно разделилось надвое и сползло к плечам,

оставив лишь кричащую окровавленную маску. Конан взмахнул мечом еще раз и снес бедняге голову, прекратив мучения.

Поднялся слаженный вопль дюжины глоток. Громче и отчаянней всего получилось у красавицы Лилузы. Глядя на своего слугу, точнее, его части – и обе безобразно мертвые, она быстро постигала трудную науку жестокой реальности. Но все равно не хотела верить.

– Нет! – раздался ее крик, первый осмысленный крик в комнате после гибели Хиннара. – Больше никто не умрет!

Остальные глотки мгновенно заткнулись, воцарилась тишина.

– Как скажете, принцесса, – поклонился Конан, опускаясь на одно колено.

– Убирайтесь! – приказала Лилува слуга.

– А что... – осмелился вымолвить один из них, смуглый бородатый вендиец с глазами навыкат. – Кроме Джебора и Хиннара, он убил еще и...

– Я сказала: убирайтесь! – взвизгнула Лилува.

Понадобился еще один миг, чтобы комната обрела прежнюю тишину. Если бы не появившаяся на красных драпировках кровь, да труп Хиннара на полу, все выглядело бы просто как идиллия.

Хотя была и еще досадная мелочь: Лилува била крупная дрожь. Она все еще сжимала в правой руке позолоченный нож для жертвоприношений. Наверное, она всего лишь позабыла о нем, но это нисколько не отменяло его остроты, а возможно и ядовитости – насколько знал Конан, стигийские жрецы имели нехорошую привычку смазывать свои инструменты ядом, парализующим мышцы, так что жертва умирала в полном сознании, не имея возможности ни двигаться, ни даже кричать.

– Нож, – сказал Конан, привыкший напрямую выражать мысли.

– Ты убил его, – глухо произнесла Лилува, словно не услышав киммерийца.

– Я защищался, – ответил Конан.

– А кого ты убил еще?

– Продавца щербета, горбuna с отрубленным кончиком носа. Я не хотел его убивать, но он оказался уж слишком настырным. Он явно хотел смерти.

Лилува тяжко вздохнула и хотела еще что-то сказать, но тут разговор был прерван неожиданно вбежавшим человеком. Это был напарник убитого Конаном жениха Лилузы, Ханфий. Он был жутко возбужден и, похоже, мало что видел. Одежда его была порвана, на лице обильно выступил пот. Глаза выглядели безумными.

– Казаки! Казаки! – вскричал он и упал перед госпожой на колени,

едва не уткнувшись в труп Хиннара. – Госпожа! – заорал он громче прежнего, заметив, что перед ним, и вскочил ноги. И тогда обнаружил возле себя Конана с окровавленным мечом.

Кричать он больше не мог. Ужас перехватил ему дыхание. Он только стоял с открытым ртом и, не моргая, глядел на варвара.

Конан нехорошо ухмыльнулся, подумал, что не стоит этого делать, могут неправильно понять и стер ухмылку с лица. Теперь он выглядел спокойно и сурово, словно каменный истукан.

– Говори же, Ханфий, не нужно молчать, в этой комнате больше никто не умрет.

– Госпожа, этот человек... – с трудом ворочая языком, начал Ханфий.

– Я знаю, – ответила Лилува. – Но ты, кажется, что-то хотел сказать о казаках?

Ханфий застонал и снова бросился на колени.

– Казаки! Они возле города!

Лилува вскочила.

– Что? Ты сошел с ума, Ханфий! Этого быть не может!

– Этого не может быть, госпожа, но это так, – задыхаясь, вымолвил Ханфий. – Казаки на расстоянии полета стрелы от города и выглядят они очень воинственно.

Лилува взяла со стола хрустальный колокольчик и позвонила.

Голос у колокольчика был серьезнее, чем вид. Громкий и пронзительный. В комнату тотчас вернулись все слуги, которых Лилува недавно выгнала.

– Унесите тело, – приказала она двум рослым бородатым вендийцам. А когда приказание было исполнено, добавила: – И принесите лучшую одежду для нашего гостя.

Сапоги из крокодиловой кожи, шаровары из тончайшего шелка с вышитыми драконами, длинная рубаха и красный тюрбан, украшенный золотыми пластинами с крупными изумрудами, выглядели, конечно, заманчиво, но у Конана снова было ощущение, что где-то здесь затаился обман. За каким дьяволом властительница предлагает убийце своего жениха такие богатые дары? Он смотрел на одежду, лежащую на подушке, которую держала юная рабыня лет тринацати. Сама она была совершенно не одета, но нельзя было сказать, что полностью обнажена. Тело было выкрашено краской, настолько успешно скрывавшей анатомические подробности, что Конан не сразу понял, что это краска.

– Тебе что-то не нравится? – спросила Лилува. – Я накажу всех своих рабов, если они принесли не самое лучшее!

– Нет, – ответил Конан. – Просто я не привык к такой изысканной одежде. Для жителя севера это все слишком роскошно.

Лилува рассмеялась.

– Ничто не сравнится роскошью в сравнении с твоим великолепным телом! Даже царские одежды будут для тебя все равно что медная оправа для бриллианта!

Юная рабыня, державшая одежду, позволила себе слегка нарушить свою неподвижность каменного изваяния. Уголки губ чуть дрогнули, голова наклонилась – девочка в смущении уставилась в пол.

– Вот, смотри – даже мои куклы согласны со мной, хотя я и не подозревала, что у них может быть какое-то мнение, пусть даже и не свое!

Конан вынужден был уступить давлению и одеться.

Лилува с восхищением оглядела его, обойдя кругом. Он больше не казался неотесанным мужланом.

– Ты великолепно выглядишь! – сказала Лилува. – Такой ты нравишься мне не меньше, чем без одежды. Хотя, конечно...

– Где мой меч? – мрачно спросил Конан. Лилува надула губки.

– Принесите ему его меч! – приказала она, едва не фыркая от возмущения. Ее перебили! не дали досказать до конца! Грудь Лилувы распирало от гнева и будь на месте Конана кто-нибудь из горожан, его бы уже раздели, растянули животом вниз и нещадно секли.

Когда Конан получил назад оружие, на душе у него стало гораздо легче. Он уже был готов простить Лилуву за то, что та одела его, как будто

выставляла на торги.

Она, казалось, смотрела на него с любовью и обожанием.

– Я думаю, что ты голоден, и прежде чем продолжить день, нужно восстановить твои силы. Ты столько потратил на меня... – сказала она и хлопнула в ладоши: – Слуги! Ваши уши слышали!

– Но госпожа... – смущенно произнес Ханфий. – У стен города казаки, и, боюсь, они не намерены тянуть с приступом...

Лилува нахмурила брови:

– Все остальное потом! – твердо заявила она. – И Солнце может подождать, если я хочу угостить своего гостя! Попспешите же!

Слуги принялись изо всех сил быстро изменять покои. Красные драпировки сменились зелеными, появились два зеленых ложа и зеленый столик. На котором одно за другим стали возникать зеленые блюда с разнообразным содержимым различных оттенков зеленого цвета. Этот цвет, по мнению нынешнего придворного врача Лилувы, не только способствует пищеварению, но и развивает дух. Ибо зеленый цвет навевает человеку воспоминания о растительной жизни: о траве, деревьях, кустах, которые являются основой всего живого.

Правда, Конан ничего этого не знал. Как не ведал и большинства названий блюд, оказавшихся перед ним. Виноград, яблоки, груши и личжи он еще мог отличить, но эти фрукты составляли лишь небольшую часть яств. Зато Конан точно знал, что виноград способствует мужской силе страсти, долголетию и отваге в бою, а личжи прекрасно заживляет телесные и душевые раны. Но больше всего Конана привлекали напитки, волнующий запах которых он мог уловить даже на расстоянии.

Лилува возлегла на одно ложе и пригласила Конана на ложе напротив. Он не слишком жаловал такой этикет, но отказать прекрасной госпоже не смог.

– Начнем, пожалуй. – Лилува звонко хлопала в ладоши.

И тотчас же зеленые драпировки раздвинулись, и из них показались обнаженные руки, за ними постепенно появились молодые и страшно тонкие мужчины и женщины. Женщины бы полностью обнажены, а у мужчин были набедренные повязки, которых хватало только на то, чтобы едва прикрыть естество. Конан никогда прежде не видел настолько хрупких и гибких людей. Кроме прочего, они были вымазаны с ног головы, включая волосы, белой краской, и от этого выглядели, как призраки.

– Из Бритунии, – сказала Лилува, отправляя в рот очищенный плод личжи. – И пять лет обучались в Кеми искусству легкости и пустоты. Они не работают и не думают, и почти не едят. Они не чувствуют голода, и если

их не кормить, они умирают, даже если вокруг них полно еды. Потому что едят они только с рук.

Конан взял со стола нефритовый кубок с пенящимся напитком, аромат которого властно призывал к себе, и пригубив его, тотчас не удержался и весь выпил. Когда он хотел поставить кубок обратно на стол, чтобы вкусить и других щедрот госпожи, то обнаружил, что нагая бритунка с безумными глазами стоит между ним и столом с яствами, покачивая бедрами. Он отодвинул ее рукой и взял кисть винограда. Ягоды были огромными и сочными. И, пожалуй, правду говорили, что виноград способствует страсти. Съев пару ягод, Конан подумал, что бритунка удивительно красива и нежна. Ему захотелось сейчас же ощутить под пальцами ее податливую кожу, схватить это хрупкое тело и овладеть им. Интересно, а боль они чувствуют?

– Возьми ее, Конан! – воскликнула Лилуга. – Возьми ее прямо здесь!

Конан покачал головой. При других обстоятельствах он бы с легкостью и удовольствием поступил по призыву Лилугы, но только не здесь и не сейчас.

Он положил ладонь на бедро бритунки, слегка отодвинул ее, взял со стола большую сочную грушу и протянул ей. Бритунка взяла плод и вонзила в него крепкие зубы. Сок потек по ее подбородку, оставляя темные потеки на белой краске.

Лилуга сказала:

– Ты благородный человек, Конан. Я рада, что не ошиблась в тебе. Хорошо бы, чтобы ты оставался благородным и впредь. Не разочаровывал бы меня. А для этого власть казаков в городе не слишком подходит. Что-то подсказывает мне, что они, в отличие от тебя, не благородны...

– Ну, конечно! – воскликнул Конан. – С чего бы сынам вольного поля быть благородными?

Лилуга в смущении опустила глаза, будто Конан сказал что-то очень непристойное. Возможно так оно и было.

– Значит, тебе придется заставить их уйти, – неожиданно решительно заявила Лилуга.

– Вряд ли они послушают меня, – засомневался Конан. – Да и с чего бы это им поворачивать от богатой добычи?

– Напугай их.

Конан расхохотался. Он даже представил себе как прыгает перед Оруэлом и сотоварищами, корчит жуткие гримасы, а они глядят на него с полнейшим непониманием.

– Они же не дети... – наконец удалось произнести ему сквозь

приступы смеха. – Разве можно напугать взрослых мужчин?! Да еще таких, какие перевидали многое, что другим и не снилось!

– У каждого есть свои страхи, – сказала Лилува, не разделяя буйного веселья киммерийца. – Надо только найти их. Ты же знаешь своего атамана. Напугаешь чем-нибудь его, а друзья последуют его примеру.

Конан хохотнул последний раз.

– Ты серьезно?

– Ну, конечно! Я же не предлагаю испугать его как маленького ребенка, скрчить ему жуткую гримасу и показать козу! У взрослых свои страхи, подумай, наверняка, ты сумеешь найти слабое место атамана. Я ведь сумела найти твое слабое место...

– Что? – Конан приподнялся с ложа. – Ты что хочешь этим сказать?

– Думаю, теперь ты имеешь право знать правду. Правду о том, что случилось ночью... – объяснила Лилува. – Ты ведь ощущаешь в своих воспоминаниях провалы, недосказанности. Тебе кажется, что твоя голова не полностью принадлежит тебе. Я знаю об этом. И я бы не стала травить тебя соком черного лотоса, если бы не знала, что последствия обратимы.

И Лилува рассказала о том, что Конан не помнил. Правду о том, что случилось нынче ночью.

Это не сильно ему понравилось, лицо его приобрело сначала изумленное, потом гневное выражение, он очень не любил, когда им действовали как марионеткой. Тем более, в буквальном смысле. Мышцы его вздулись буграми, а пальцы так плотно обхватили рукоять меча, что костяшки побелели.

Но он быстро взял себя в руки. Достаточно того, что он был глупцом в помраченном состоянии, не следовало продолжать оставаться им в полном сознании.

– Но почему именно я должен защищать город? С какой стати? Что, твои люди настолько слабые воины, что не сумеют противостоять жалкой горстке казаков?

– Я бы так не сказала. Они отнюдь не выглядят жалкой горсткой. Но не в этом дело. Просто я не желаю убивать их. Это низко и неблагородно. Кроме того, лично мне ужасно неприятно пачкаться в чьей-то крови. Потом, я знаю, мне будет несколько лет тошнить при виде мяса, ты можешь не беспокоиться, выбора у тебя все равно нет, если ты, конечно, не самоубийца. Тебе придется защищать город, хочешь ты этого или нет...

Конан не сразу понял, о чем толкует Лилува. Но когда перед глазами вдруг все поплыло, а в животе появилось чувство, что в него воткнули тонкий ножик-пилку и стали медленно водить им, вырезая отверстие,

Конан вскочил с ложа, потянувшись к мечу, и неожиданно обнаружил что ноги больше не принадлежат ему. По крайней мере, полностью. Они все еще были соединены с ним, и он даже мог шевелить ими, но они перестали его слушаться.

– Ах, Конан, как я хотела бы, чтобы у меня не было нужды убивать тебя!.. – произнесли губы Лилувы, вдруг оказавшиеся у самого лица киммерийца.

– Что это? – с огромным трудом сумел он выговорить – рот тоже отказывался ему повиноваться.

– Да все тот же черный лотос, – сказала Лилува. – Все зависит от того, в какое время его сорвали. Лишили связи с водой и землей. Утром, вечером, в полдень или в полночь. Свойства черного лотоса весьма разнообразны, иногда он даже может служить любовным зельем. Еще, конечно важно, как его приготовить. Но тебе, пожалуй, все это уже ни к чему...

– Ты... ты хочешь убить меня? – спросил Конан.

Лилува фыркнула и всплеснула руками.

– Ну, наконец-то, догадался, умница! – Она даже вскочила в возмущении. – Ты что, идиот? Я уже сказала, что не хочу убивать тебя... Но ты должен мне одну услугу...

– Хорошо, я окажу тебе эту услугу. Как ты сказала, у меня все равно нет выбора, – произнес Конан, собрал остатки сил и поднялся, опираясь на меч.

Лилува побледнела – она не ожидала, что после такой дозы человек вообще сможет двигаться, но все равно протянула киммерийцу маленький пузырек с зеленоватой жидкостью.

– На, прими это... Но учти, что это всего лишь первая часть противоядия. Ты избавишься от боли, но только на полдня. К вечеру ты умрешь, если я не дам тебе вторую часть. А я дам ее тебе только, если ты выполнишь условие...

Конан взял пузырек и усмехнулся.

– Думаю, хуже уже не будет, – заявил он и выпил содержимое одним глотком. Жидкость пролилась по пищеводу внутрь и мгновенно растворила ножик-пилку. Ноги снова обрели способность двигаться.

– Я заставлю казаков уйти. Но мне понадобятся твои люди. Если они сумели обмануть меня, то почему бы им не обмануть и казаков. На ум они слабы, хоть и быстры на руку. И я знаю самое слабое место атамана. Вот мы этим и воспользуемся! Мы выйдем навстречу казакам и заставим их бежать от города, только пятки сверкать будут!

– Но, Конан, это же всего лишь слуги. Что они, по сравнению с казаками? Кроме того, их жизни дороги мне. Они много для меня значат.

– Обещаю, они не пострадают, – как можно тверже сказал Конан. Он не был абсолютно уверен в этом, но, в конце концов эти люди всего лишь рабы, так что особой беды в их гибели не будет. Главное, чтобы она не была напрасной.

– Идемте же! Казаки не станут слишком долго ждать! – поторопил Ханфий.

Казаки! Эти пришлые люди, неизвестно ради какой прихоти так удалившись от родины, скакали на горячих татарских конях по кругу, подняв вверх пики и что-то выкрикивая. Со сторожевой башни справа от городских ворот их было видно как на ладони.

– Что они кричат, Конан? – спросила Лилува.

Конан огляделся и заметил, что взгляды всех стражников в пределах видимости направлены на него. И он сразу понял почему. Они видели его в казацкой одежде – и теперь нисколько не сомневались, что он лазутчик.

– Они кричат, чтобы евнухи этого города нас боялись. Они не трогают евнухов. А поскольку в городе никого, кроме евнухов нет, никто и не пострадает. А еще кричат, чтобы девки принарядились, ибо они, казаки, любят срывать красивую одежду. А доброе семя казаков даст добрые всходы...

– Варвары! – взвизгнул Ханфий. – Варвары!

– Ты уверен, что они кричат именно это? – засомневалась Лилува. – Мои уши слышат, кажется, только пару-тройку слов, не больше. И как это они умудряются втиснуть в три слова столько смысла?

– Варвары, – пожал плечами Конан, широко ухмыляясь.

Ханфий принялся говорить о кровожадности казаков, о том ужасе, который испытывает перед их неумолимой жестокостью, еще о каких-то страхах, но ни Лилува, ни, тем более, Конан особо не прислушивались к его речам.

Лилува поманила одного из слуг, бледного полноватого молодого человека, безбородого и безволосого, с маленькими свинячьими глазками и тонким красным ртом, похожим на кровавую рану.

В глазах Яреда промелькнул страх, потом он с трудом изобразил подобострастную любовь и, согнувшись в подобии поклона, засеменил к госпоже.

– Яред, слушай, ты будешь вместо Хиннара, – сказала Лилува. – Я знаю, что ты давно метил на его место. Так вот, теперь тебе предоставляется отличная возможность.

Яред принялся мелко кланяться.

– Отправляйся с ним, Конан. Он сделает все, что ты скажешь. Теперь все зависит от твоей фантазии. Надеюсь, ты прав, и успешно наступишь на уязвимое место этого жуткого казачьего атамана!

Когда киммериец спустился с Яредом, и люк за ними захлопнулся, Ханфия вдруг словно прорвало:

– Конана нужно немедленно убить! Он же казачий лазутчик! И при первом же удобном случае предаст нас, откроет ворота и впустит своих соратников, чтобы они вдоволь поглумились над нами! Я с самого начала подозревал, что он лазутчик. Когда я увидел его в спальне обнаженным, я сразу же уловил в его наглых глазах свет коварства и предательства! А когда он убил моего друга Джебора, я уже нисколько не сомневался в этом!

Лилува слушала взволнованную речь Ханфия с тонкой улыбкой, словно он говорил о пустяках, а когда он остановился, чтобы перевести дух, сказала:

– Конечно, он предатель и лазутчик. В этом не может быть сомнений. Но в моих руках он всего лишь орудие. Разве ты этого не заметил?!

Ханфий не сразу нашел, что сказать:

– Заметил, но... Но ведь он все равно враг!

– Не себе. Он считает, что пока казаки здесь, он может умереть так же легко, как поднести кубок к губам. Потому что один кубок он уже поднес.

– Но... Он же ведь может обмануть нас! Он может вернуться потом со своими казаками! В этом-то ему ничто не помешает!

– Ты, наверное, так бы и поступил, Ханфий, – с ядовитой улыбкой произнесла Лилува. – Но не Конан. Он слишком гордится собственным благородством, чтобы признаться в предательстве ради спасения собственной шкуры. Кроме того, он ведь не казак по происхождению.

16

Ворота со скрипом открылись, и при полных регалиях посла кошачьего города, несколько смешных, на взгляд киммерийца, Конан выехал навстречу казакам. Разбойные люди стояли плотной разноцветной гурьбой, к небу вздыпалось множество пик с белыми и черными хвостами яков. Временами слышался нарочито громкий смех. Но постоянным был только один звук – лязг оружия.

Увидев Конана, Оруз расхохотался. Он и представить себе не мог отважного воина в таком нелепом виде. На голове шапка в виде тигриной головы, украшенной зачем-то павлиньими перьями, на груди – многорядное ожерелье из зубов разных животных, тело до щиколоток скрыто тяжелой красной накидкой с пришитыми к ней лапами шакалов и гиен.

– А, что я говорил! – завопил Юлма. – Не казак, он не казак и есть! И помрет не казаком! – С этими словами Юлма выхватил тонкую кривую саблю.

– Остынь!!! – проорал на него Оруз, да так громко, что Юлма тут же спрятал саблю обратно в ножны, смущившись и потупив взор.

– Эй, Конан! – закричал Оруз. – Ты что эти вырядился, как девка на смотринах? Или умом тронулся? Или поженился на ком из города?

Конан покачал головой, ничего не отвечая. Он подошел к Орзу и встал, глядя ему в глаза.

– Я ждал вас позже, – спокойно сказал он.

Оруз осклабился еще больше, показав, что зубы у него темные, гнилые, к тому же правый резец обломан под корень.

– Да ты, друг, никак не рад нам? А мы-то думали, что ты совсем по нам соскучился, – обернулся, и толпа соратников ответила ему дружным гоготом. – Вот и пивка крепкого тебе привезли. Знатное пиво. Коня с ног валит. – Казаки опять заржали. Чувство юмора у них был своеобразное, зато им его было не занимать.

– Ситуация изменилась, Оруз, – так же спокойно, словно бы разговаривал с незнакомцем, и не осушивал вместе с казаками озера вина и пива, сказал киммериец. – Город закрыт. Чума. И мы все умрем. Так что ради собственной жизни, Оруз, не веди внутрь людей.

Оруз вмиг посерезнел. Рука его легла на рукоять меча, а рот сжался в узкую бледную линию. Смотреть ему в глаза было теперь так же страшно,

как смотреть в глаза вожака волчьей стаи.

– Ты лжешь, пес, – с рычанием вымолвил он. – Я не вижу на тебе никаких признаков болезни. – Он поднял меч и направил острие в грудь Конана.

Конан потянул шнур накидки, и она соскользнула с его могучих плеч, явив кожу, на которой виднелись отвратительные черные пятна.

– Не трать свою силу, друг, – спокойно сказал он. – Она тебе потом пригодится. А я умру сам. Я уже мертвец. Ибо после такого не выживают. Черная смерть не щутит.

Оruz ткнул острием в одно из пятен и надавил. Из груди Конана потекла тонкая струйка крови.

– Ты... – сказал Oruz, собираясь с мыслями, но не успел завершить свой тяжелый труд.

Ворота города с жутким скрипом открылись, и оттуда на песок выпал человек. Лицо его было серо, и большую его часть занимали черные пятна, а в нескольких черных пятнах были гноящиеся язвы, и оттуда вытекала кровь. Голова человека была непокрыта, лишь несколько седых волосинок жалко торчали на ней, и на лысине тоже имелись черные пятна с язвами. Скрип продолжался – ворота открывались, и когда они открылись полностью, стало видно, что площадь перед воротами завалена трупами. Этот ужасный вид вызвал у толпы отважных казаков единый громкий вопль. И самое страшное, что по песку от этой горы трупов к ним, спотыкаясь, шел лысый человек с изъязвленной головой.

– Уходим! – закричал кто-то, и вся толпа повернула лошадей.

– Эй, Oruz! – позвали из толпы. – Оставь его, он – труп!

Не дожидаясь Oруза, казаки направились прочь от города. Они привыкли сами делать мертвцев, и это у них отлично получалось, но мертвцы от черной болезни, мертвцы, прогневившие собственного злобного бога, пугали их. Они предпочитали по своей вере умереть в бою и после смерти попасть на небесные поля сражений, чтобы продолжать биться и воскресать, а не ползать на брюхе среди вонючих трупов в общей могиле.

Человек, выползший из города, продолжал двигаться и вскоре оказался у ног орузова коня! Атаман все еще держал меч у груди Конана.

– Спаси нас, избавь от мучительной смерти, – прошептал черный мертвец, подняв голову!

Oruz не выдержал. Он поднял своего коня на дыбы, взмахнул мечом, наклонился и единым махом снес черному мертвцу голову.

– Я избавлю вас всех! – неожиданно заорав он и, вместо того, чтобы

присоединится к мирно отступавшим товарищам, понесся к открытым воротам в город. – Вы будете благодарить меня на том свете, если кто-то из вас еще жив! – вопил он.

Все это случилось столь быстро, и настолько не вязалось с идеальным планом Конана, что он не сразу сообразил, что план оказался вовсе не идеальным. И требовал немедленной и решительной доработки.

Увидев, что атаман ворвался в город, остальные казаки, не задаваясь слишком глубокими вопросами, повернули вспять, и, немного сторонясь страшно изукрашенных трупов, тоже въехали в город. То, что они обнаружили на площади за городскими воротами, им не понравилось гораздо сильнее, но обращаться в бегство показалось недостойным, поэтому они последовали примеру Оруза – вытащили сабли и бросились в бой.

Гигантская черная кошка, защищенная доспехами – не самая легкая из добыч. Честно говоря, шансов выйти живыми из схватки у казаков было немного. А шансов победить – ни единого. И они это понимали, однако были слишком гордыми, чтобы отступать.

Уши у гигантской кошки были прижаты, пасть с огромными клыками открыта, когти на лапах выпущены. Она медленно, крадучись, шла, чуть пригибаясь к земле, едва покачивая хвостом.

Потом вдруг сменила темп – и Оruz, который оказался ближайшим ее противником, не сразу заметил, что она оказалась на расстоянии удара. Это было непростительной оплошностью. Ибо он позволил кошке нанести первый удар. Большая лапа с длинными когтями мелькнула в воздухе, конь испуганно заржал и попытался уйти в сторону, отчаянно мотнув головой. Но кошка была быстрее. Четыре острых когтя разодрали шею коня, фонтаном брызнула кровь – животное захрапело, взмыло задними ногами, и повалилось.

Оruz едва успел соскочить, прежде чем конь упал, молотя воздух копытами. Кошка на мгновение отступила, затем снова приблизилась и нанесла еще один скорый и сильный удар.

Оruz уже стоял, широко расставив ноги, готовый сражаться. Он слегка покачивался, чтобы иметь возможность быстро передвинуться в удачную для боя позицию.

Он был готов ко всему. По крайней мере, ко всему тому, что знал. Но кошка не собиралась сражаться с казаком честными казачьими способами. Не то, что она презирала казачьи приемы ведения боя, она просто их не знала.

Оruz готов был сражаться, готов был с храбростью отдать свою жизнь, но обязательно прихватив чужую. Жизнь своего врага – неважна была ли эта тварь перед ним обыкновенным зверем или демоном из преисподней.

Глаза его пылали гневом и отвагой. Он слегка сутуился, вперившись взглядом в холодные круглые глаза свирепой кошки. Она елозила по земле хвостом, поигрывая мышцами и скребя когтями, которые проделывали в земле глубокие борозды.

Потом она прыгнула. Оruz уклонился и взмахнул мечом, чтобы распороть наглой кошке морду, но меч его не встретил никакого сопротивления. Кошка зарычала и отпрыгнула в сторону, упав на спину. Оruz вдруг почувствовал какое-то неудобство, посмотрел вниз и заглянул вниз своего живота. То, что он там увидел, ему не понравилось, точнее, ему не понравилось уже то, что он заглянул внутрь – не следует человеку видеть то, что находится у него в животе.

– Так умри же и ты! – в отчаянии заорал и бросился за кошкой, выставив перед собой меч, но через несколько шагов запутался в собственных кишках, некстати вылезших наружу, и упал лицом вниз.

Ноги его задергались, он пробормотал еще что-то и затих.

Гигантская кошка положила лапу ему на голову и одним движением сорвала скальп. Оruz снова дернулся – теперь в последний раз.

Все произошло так быстро, что другие казаки не успели прийти на помощь атаману. Они все еще с боевыми воплями скакали к месту битвы, когда все было кончено. Юлма отстал от остальных, заинтересовавшись золотым браслетом на одном из страшных трупов. Он опустил саблю, собираясь отрезать трупу руку и забрать украшение – все равно мертвецу оно ни к чему, но намерению не суждено было осуществиться.

Гигантская кошка бросилась прочь от плотной толпы казаков, обогнула их и направилась к воротам. Юлма услышал изменившиеся крики товарищей, и поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть несущегося на него зверя. Раздумывать было некогда. Учитывая, как ловко расправилась кошка с конем Оруза, лучше было биться пешим. Юлма соскочил с коня, хлопнул его по крупу, отсылая, и встал для битвы, как можно крепче перехватив саблю.

Кошка замедлила бег, и последние шаги подкрадывалась, прижавшись к земле, как самая обыкновенная кошка подкрадывается к птице.

Глядя в желтые глаза, Юлма вдруг понял, что не в силах пошевелиться. Словно жуткая магия сковала его по рукам и ногам, превратила мышцы в камень и стянула мозг железным обручем. Он не мог даже закричать. Хотя закричать ему очень хотелось. Перед ним был не иначе, как демон. Эта дьявольская кошка не могла быть просто зверем.

В глазах жуткого создания не было ярости, не было вообще никаких эмоций. И это было страшнее всего. Время словно растянулось. Мгновения

стали длинными и томительными, как текущий мед.

Кошка шла на казака, не торопясь, словно не собиралась убивать его. У Юлмы даже мелькнула шальная мысль, что это и вправду так. Но всего лишь на мгновение, а потом Юлма понял, что к нему идет смерть. Если бы это было простое животное, то оно могло бы пройти мимо неподвижного казака, ибо не сочло бы его добычей: большие кошки реагируют только на движущуюся жертву. Но эта тварь являлась не только зверем.

Юлма очнулся, когда кошка была уже в трех шагах от него.

Он завопил и прыгнул на дьявольскую тварь так быстро, что кошка от неожиданности присела на задних лапах. Юлма перелетел через нее, извернулся и схватил за хвост.

В этот момент в городских воротах появился Конан. Большую часть регалий посла кошачьего города Конан успел потерять. На нем больше не было тигриной шапки с павлиньями перьями и красной накидки тоже. А тяжелое ожерелье он как раз снимал с себя, когда вбегал в ворота.

Схваченная за хвост кошка в первый миг дернулась с жутким воем вперед, и Юлма упал. Но хвост не отпустил. Кошка попыталась развернуться и достать казака передними лапами, но он оказался не менее проворным. Ужас придал ему почти нечеловеческую ловкость и силу.

И он был так занят, что не заметил, как вокруг него начали вставать мертвецы. С черными пятнами, с кожей, свисающей лохмотьями, со страшными глубокими ранами, в которых чернел отвратительный гной!

Зато остальные казаки пришли от увиденного в неописуемый ужас. Они ударились в панику, совершенно неподобающую сынам вольных степей, но ничего поделать с собой не могли. Живых они не боялись. Но мертвецов, особенно умерших от болезней, страшились не меньше, чем малые дети. Они почувствовали себя в ловушке, словно их заперли в склепе с гниющими трупами, которые вдруг ожили и собирались сожрать казаков живьем! И нужно было бежать. Прочь из города! В спасительную пустыню, маячившую барханами сквозь проем ворот.

И казаки понеслись, не разбирай дороги. Не обращая внимания на то, что сбивают с ног зазевавшиеся трупы, которые не успели убраться с пути. Но казакам уже было не до таких мелочей.

Конану пришлось проявить всю свою ловкость, чтобы не быть затоптаным копытами казачьих коней. Он отскочил в сторону и чуть не попал под удар кошачьей лапы. Острые когти пронеслись перед самым его лицом. А в следующий миг ему чуть не откусил нос что-то орущий Юлма. Этого казака Конан всегда недолюбливал, он явно метил в атаманы, но действовал все больше окольными путями, так как ему недоставало ни

силы, ни храбрости. Догадаться, что орал Юлма, было несложно. По крайней мере, понять, чего он хочет. «Убей ее, я ее держу», – хрюпел он.

Но эта свирепая огромная кошка боролась с казаками, защищая город, значит, Конану не следовало ее убивать. И он быстро принял решение, не успела еще танцующая смертельный танец пара казак-кошки завершить новый круг.

Одним движением Конан вытащил меч из ножен и снес воняющему казаку голову. Она все еще продолжала вопить, теперь уже беззвучно, летя в воздухе, а тело еще держалось за хвост, когда гигантская кошка стала разваливаться. Сначала отвалился хвост, и безголовое тело Юлмы повалилось под ноги Конана. Потом лапы кошки сделались мягкими, словно внутри исчезли кости, и она повалилась на брюхо.

Сзади раздался крик, как будто юный поросенок увидел нож для кастрации. Конан невольно обернулся и увидел Яреда, держащего голову Юлмы. Рот казака был открыт, глаза – тоже. Бледный толстяк сделался еще бледнее и орал теперь заместо казака, не в силах оторвать взгляд от мертвого взгляда Юлмы.

Но Конану не пришлось наблюдать эту картину слишком долго. Площадь огласил новый звук. Женский стон. И голос был удивительно знаковый. Лилува!

Она лежала в пыли и крови, обнаженная и плачущая. Вокруг нее были разбросаны детали кошачьих доспехов и черная шерсть. Она скребла по земле окровавленными пальцами, из которых вместо ногтей торчали огромные металлические когти.

Конан бросился к Лилуве и отбросил давящую ей на спину тяжелую кошачью кирасу. Лилува с благодарностью посмотрела вверх на киммерийца и устало, измученно улыбнулась.

Яред все еще продолжал орать, не в силах оторваться от созерцания отрубленной головы.

– Гор милосердный, заткни его! – взмолилась Лилува.

Конан наклонился, поднял с земли камень и швырнул его в Яреда. Камень возымел немедленное действие, но большее, чем рассчитывал киммериец. Яред не только заткнулся и успокоился, но и умер. У бледного толстяка было слабое сердце. Он упал замертво, и голова Юлмы снова пришла в движение, подкатившись к оставленному ею телу.

– Помоги мне подняться, – сказала Лилува. Конан наклонился к ней и заметил, что когти и пальцы красавицы существуют теперь независимо друг от друга. Он помог ей сесть, и сам опустился на корточки.

Со всех сторон раздавалось кошачье мяуканье и урчание. Все кошки

города собирались на площади и приближались к защитнице. Когда первая из кошек принялась тереться головой о бедро Лилузы, она сказала:

– Уходи, мне нужно остаться одной с ними.

Три дня спустя следов битвы и нападения казаков не осталось. На площади снова расположились туареги со своими семьями, слугами и рабами. Они снова играли белыми камешками козьим пометом в облавные шашки на песке, рисуя клетки пальцами, и вели долгие нескончаемые беседы о пустыне, скоте, погоде, соседях, друзьях и врагах. Снова звучали песни под аккомпанемент барабанов, ладоней и однострунной скрипки эмзат. Снова тонкой струйкой взбивая пену, лился из чайников в кружки чай, и задумчивые мужчины смотрели в опаленное солнцем небо.

Несмотря на то, что план Конана удался лишь отчасти, и Лилуве все же пришлось сражаться хоть и не так много, как она боялась, она не лишила его своей милости. Три дня и ночи киммериец провел в праздных удовольствиях, наслаждаясь всеми утехами плоти, в таверне, где прежде провел несколько прекрасных часов с Лилувой, и где убил Джебора.

Окно уже починили – и в комнате царила прохлада и мягкий полусвет. Две прекрасные рабыни, присланные Лилувой, ублажали его: одна черная, как эbonит, тонкая и стройная, как кипарис, другая – белая как мрамор, но с алыми губами и черными, как вороново крыло и мягкими как шелк, волосами.

Лилува обманула Конана. Противоядие содержалось в маленьком пузырьке с зеленоватой жидкостью, который Конан выпил в самом конце пира, устроенного защитницей накануне битвы. Никакой второй части противоядия не было. Об этом Конану, смеясь, сказала маленькая служанка, которая принесла ему мясо и вино после битвы с казаками. Она смеялась так заразительно, что Конан тоже невольно улыбнулся, хоть и должен был почувствовать себя в дураках.

Утром третьего дня Конан услышал голос Лилувы, выглянул в окно и увидел внизу верблюда, полностью снаряженного в путь. На нем было высокое седло, попона из толстой шерсти, бурдюки и кожаные сумки. Упряжь была драгоценной, как и сам верблюд – белый, одногорбый, длинноногий.

Конан открыл дверь в коридор, и чуть не столкнулся с Лилувой. Она была великолепна в лиловой одежде с длинными широкими рукавами, и локонами, в которые было вплетено множество золотых нитей.

– Конан! Тебе пора! – сказала она.

– Ты больше не хочешь меня видеть? – удивился Конан. Он, конечно,

не собирался оставаться в Хаторе надолго, но ему было неприятно, что его выгоняют. Он любил уходить тогда, когда хотелось ему, а не кому-нибудь другому.

— Я знаю, Конан, что ты хотел бы остаться еще на несколько недель. Ты ведь все еще не полностью утолил жажду, но, прости, в Хаторе недостаточно места для нас двоих. Мне трудно жить, зная, что ты рядом. Достаточно того, что уже произошло. Этот город должен существовать словно во сне, но не в кошмарном сне. Люди хотят спокойствия, а от тебя исходит сила, тревожащая их. Оставь город. Ради меня, ради того, что между нами было. Ты ведь благородный человек, поступай же благородно, как велит т сердце!

Конан усмехнулся.

Он не считал себя особенно благородным. В Киммерии благородство было не в особенном почете. Важно было выжить любой ценой, и если ты жив, а твои враги — мертвы, то это и есть высшее проявление чести воина!

Но здесь, в Хаторе, ему действительно больше нечего было делать. Город начал давить на него. Слишком маленький город, слишком скучный, для варвара северных земель.

Он обернулся назад и посмотрел на двух красавиц-рабынь. Что же, три дня — не такой уж короткий срок, вряд ли у них остались в запасе какие-нибудь тайны любви.

— Я только возьму свой меч, — сказал Конан, взял его и спустился на улицу вслед за Лилувой.

Верблюд уже стоял на коленях в ожидании всадника. Как только Конан взобрался в седло, животное поднялось.

— Мы заплатили тебе. Думаю, ты будешь доволен, — сообщила Лилува.
— И здесь достаточно воды, чтобы добраться до Птемона.

Конан смотрел на нее сверху. Она была очень хороша.

— Ты прекрасна, — искренне заметил он.

Она подняла голову, и киммериец смог полюбоваться не только на ее волосы, но и на полные прекрасные губы, которые слегка приоткрывались, демонстрируя редчайшее сокровище — жемчужные, идеальной формы зубы. Он с удовольствием втянул ее естественный аромат, пропустивший сквозь густой заслон искусственных цветочных ароматов, и в нем взыграли прежние чувства, но сейчас они, пожалуй, были не совсем уместны.

— Прощай, — сказала Лилува.

Не отвечая, Конан послал верблюда вперед, и грациозное величественное животное, двигаясь, словно во сне и слегка улыбаясь, прошло сквозь ворота и направилось в сторону восхода.